

Хэммонд Иннес
Корабль-призрак

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
1956

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

Иннес Х.

Корабль-призрак / Х. Иннес — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1956

На пути следования яхты «Морская Ведьма» неожиданно возникает огромный пароход. Похоже, судном никто не управляет! Чуть позже штурман Джон Сэндс поднимается на борт таинственного корабля. Так и есть. Команда по неизвестным причинам покинула судно. На борту – лишь странный незнакомец со шрамом, называющий себя капитаном. Но так ли это? Молодому штурману предстоит раскрыть все тайны загадочного корабля...

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

© Иннес Х., 1956
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1956

Содержание

Часть первая. Крушение	6
Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Иннес Хеммонд

Корабль-призрак

© Hammond Innes, 1956

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2014

* * *

Часть первая. Крушение

Глава первая

Я ужасно устал и замерз. И еще мне было страшно. Красный и зеленый навигационные огни озаряли паруса зловещим свечением. А дальше расстилалась бездна бесконечной и абсолютной тьмы, из которой доносилось тихое шуршание моря. Я вытянул занемевшие ноги, посасывая кусок ячменного сахара. Над моей головой покачивалась призрачная арка парусов, повторяя все движения «Морской Ведьмы», то поднимающейся на гребень волны, то плавно соскальзывающей вниз. Ветер был таким слабым, что продвижение нашего корабля вперед было едва заметным. И все же волны, поднятые мартовскими штормами, накатывались с неослабевающей силой, и я остро осознавал, что это всего лишь затишье. Шестичасовой прогноз не сулил ничего хорошего. В районе Роколлы, Шеннона, Соула и Финистерра ожидалось штормовые ветра. Подсветка компаса едва рассеивала мглу, которая окутала яхту, почти слившуюся с липким мраком ночи. Я так часто представлял себе эти минуты. Но стоял март, и после пятнадцати часов болтанки на волнах Ла-Манша радость обладания своим собственным судном улетучилась. Ее поглотил холод. Из темноты замерцал накатывающийся на корму белый бурун. Ударившись о яхту, он оросил мое лицо веером брызг и с шипением сполз обратно, в черноту позади корабля. Бог ты мой! Как холодно! Холодно и промозгло, и ни звездочки на небе.

Дверь штурманской рубки распахнулась, на мгновение явив моему взгляду освещенную кают-компанию, на ярком фоне которой темнела одетая в штормовку массивная фигура Майка Дункана. Обеими руками он сжимал дымящуюся кружку.

– Как насчет бульона?

Жизнерадостное веснушчатое лицо Майка внезапно вынырнуло из ночи. В свете нактоуза¹ оно, казалось, плавало во мраке, отделившись от тела. Он улыбнулся из складок своей балаклавы, протягивая мне кружку.

– А здесь после камбуза довольно свежо. – Но тут улыбка сползла с его лица. – Какого черта! Это еще что такое? – Он смотрел поверх моего левого плеча, уставившись на что-то позади и чуть левее кормы яхты. – Это точно не луна, как ты считаешь?

Я резко развернулся. На самой границе видимости появилось зеленоватое холодное свечение. При виде этого призрачного сияния, мигом заставившего припомнить рассказы бывалых моряков обо всех странных и пугающих событиях, происходивших с ними в море, у меня даже дыхание перехватило.

Свет становился все ярче, разгораясь каким-то потусторонним фосфоресцирующим заревом и напоминая своим мертвенно-холодным мерцанием раздувшегося до невероятных размеров светляка. Внезапно он сгустился, превратившись в узкий зеленый луч, и я заорал Майку:

– Фонарь, живо!

Это был огонь правого борта огромного парохода, и этот пароход шел прямо на нас. Сквозь туман тускло светились фонари палубного освещения, а спустя секунду до нас донесся приглушенный пульсирующий гул двигателя, напоминающий низкий рокот там-тама.

¹ Нактоуз (от нидерл. *nachthuis* – «ночной домик») – ящик, в котором расположен судовой компас, а также некоторые другие навигационные инструменты. Ящик защищает компас и другие инструменты от действия внешней среды. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

Луч системы «Олдиса» пронзил ночь, ослепив нас отраженным блеском густого тумана, незаметно подкравшегося к нам со всех сторон. Сквозь это сияние едва виднелась белая пена буруна от волны, вздымаемой носом приближающегося судна. Через мгновение мы разглядели и смутные очертания самого парохода. И вот уже он перед нами, похожий на корабль-призрак, возникший из тумана и нависший над нами всей своей громадой. Я отчаянно крутанул штурвал.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем «Морская Ведьма» повернулась, после чего кливер наполнился и развернул ее еще сильнее. И все это время я слышал оглушительный шорох идущей на нас волны.

– Он в нас врежется! Господи! Он в нас врежется!

У меня до сих пор звенит в ушах этот хриплый и пронзительный крик Майка. Он мигал «Олдисом», направив луч на капитанский мостик парохода. Вся судовая надстройка была ярко освещена, вспышки фонаря отражались от стеклянных иллюминаторов. И весь этот громадный пароход продолжал с грохотом надвигаться на нас со скоростью в добрых восемь узлов. Казалось, он не собирается ни останавливаться, ни менять курс.

Грота-гик и бизань-гик угрожающе затрещали. Кливер уже откинулся назад. На мгновение я оставил его в этом положении, наблюдая за тем, как поворачивается нос яхты. Весь корпус «Морской Ведьмы», от длинного бушприта до верхушки грот-мачты, был озарен зеленым сиянием правого бортового огня парохода, повисшего прямо над нами. Я потравил левый кливер-шкот и начал выбирать правый, чувствуя, как наполняется парус. И тут снова раздался вопль Майка:

– Осторожно! Держись!

На нас с ужасающим грохотом обрушилась стена вспененной воды. Она пронеслась через кокпит, приподняв меня над сиденьем, и мне пришлось изо всех сил вцепиться в штурвал, чтобы меня не смыло в море. Паруса описали безумный полукруг, из-за чего утлегарь и часть грота на мгновение оказались под уходящей волной. Пока тонны воды бушевали у нас на палубе, мимо чудовищным утесом скользил борт парохода.

«Морская Ведьма» медленно выпрямилась, и вода белой пеной ринулась за борт. Я все еще держался за штурвал, а Майк не выпускал из рук бакштаг и во все горло выкрикивал проклятия. Его голос был едва слышен на фоне громохота двигателей парохода. Но тут в ночь вторгся еще один звук – ритмичный плеск винта, наполовину погруженного в воду.

Я заорал, чтобы предостеречь Майка, но он уже осознал эту новую опасность и снова включил «Олдис». В его ослепительном свете мы увидели изъеденную ржавчиной обшивку корпуса парохода. Тут с нами поравнялась корма, и мы увидели лопасти винта, хлещущие по волнам и взбивающие воду в пенные водовороты. «Морская Ведьма» задрожала, и ее паруса обвисли. Затем она соскользнула с волны и оказалась совсем рядом с этой чудовищной мельницей. Теперь лопасти едва не задевали наш левый борт. Хлопья белой пены полетели на крышу каюты и на паруса.

Все это длилось ровно секунду, а затем этот отчаянно барахтающийся в волнах винт удалился в темноту за нашим бушпритом, а «Морская Ведьма» заплясала на волнах в кильватере парохода. Луч системы «Олдиса» выхватил из мрака его название – «Мэри Дир», Саутгемптон. Мы ошарашенно смотрели на эти тающие в ночи покрытые ржавыми потеками буквы, а затем они внезапно исчезли, поглощенные мраком. Еще какое-то время до нас доносился тихий пульсирующий рокот двигателей судна, но вскоре стих и он. Лишь запах гари остался витать в сыром морском воздухе.

– Ублюдки! – завопил Майк, внезапно обретя дар речи. – Ублюдки! – снова и снова повторял он.

Дверь рубки скользнула в сторону, и на пороге возникла фигура. Это был Хэл.

– Ребята, вы в порядке?

Его немного чересчур спокойный и чересчур бодрый голос слегка дрожал.

– Ты что, не видел, что тут произошло? – заорал Майк.

– Все я видел, – отозвался Хэл.

– Они не могли нас не заметить. Я светил фонарем прямо на капитанский мостик. Если бы они несли вахту и смотрели по сторонам...

– Я не думаю, что они смотрели по сторонам. Если честно, мне показалось, что на мостике вообще никого не было.

Он произнес это так тихо, что до меня не сразу дошло, что из этого следует.

– Что ты имеешь в виду – никого не было на мостике? – спросил я.

Он вышел на палубу.

– Это произошло перед тем, как нас накрыла носовая волна. Я почувствовал что-то неладное, но успел добежать только до штурманской рубки. Я оказался перед иллюминатором, и прямо передо мной был капитанский мостик, на который светил луч «Олдиса». Мне показалось, что там никого нет. Во всяком случае, я никого не увидел.

– Но, господи боже мой, – прошептал я. – Ты понимаешь, что ты говоришь?

– Да, разумеется, понимаю. – Это прозвучало безапелляционно и несколько по-военному. – Странно, ты не находишь?

Он был не из тех, кто стал бы выдумывать что-либо подобное. Х. Э. Лоуден – для всех своих друзей Хэл – бывший артиллерист, полковник в отставке, почти все летние месяцы проводил в море и успел стать очень опытным моряком.

– Ты намекаешь на то, что этим судном никто не управлял? – недоверчиво поинтересовался Майк. – Может, тебе показалось?

– Я не знаю, – покачал головой Хэл. – Поверить в это трудно. Но все, что я могу сказать, так это то, что на мгновение мостик был передо мной как на ладони, и, насколько я мог судить, на нем никого не было.

Несколько секунд мы молчали, размышляя над его словами, которые повергли нас в шок. Возможность того, что у штурвала большого корабля, бороздящего усеянные подводными скалами моря в непосредственной близости от французского побережья, никого нет, казалась нам абсурдной.

Внезапно тишину нарушил голос Майка, который совершенно будничным тоном поинтересовался:

– А что там с нашим бульоном? – Вспыхнула лампа «Олдиса», обнаружив кружки, лежащие в глубокой луже на дне кокпита. – Пойду-ка я приготовлю новое варево, – вздохнул Майк и, обернувшись к полуодетому Хэлу, который продолжал стоять, прижавшись к рубке, добавил: – Как насчет вас, полковник? Вам ведь наверняка тоже хочется бульона?

Хэл кивнул.

– Я никогда не отказываюсь от бульона. – Он проследил взглядом за Майком и, когда тот скрылся внизу, повернулся в мою сторону. – Теперь, когда мы остались одни, я могу смело признать, что это был весьма неприятный момент. Как так получилось, что мы оказались под самым носом этого парохода?

Я объяснил ему, что судно находилось с подветренной стороны и мы не услышали шума его двигателей.

– Первым, что мы заметили, был зеленый навигационный огонь его правого борта, надвигавшегося на нас из тумана.

– Что, даже туманного горна не было?

– Если и был, мы его не слышали.

– Странно! – Он еще несколько мгновений стоял неподвижно. Фонарь левого борта освещал его длинную фигуру. Затем он подошел и сел рядом со мной на комингс кокпита. – Ты не смотрел на барометр с тех пор, как заступил на вахту? – поинтересовался он.

– Нет, – ответил я. – А как он себя ведет?

– Падает. – Длинными руками он обхватил себя за плечи, обтянутые нательной рубашкой. – С тех пор как я спустился вниз, он упал довольно заметно. – Он поколебался, а затем добавил: – Этот шторм может накрыть нас в любую минуту, знаешь ли. – Я ничего не ответил, и Хэл, вытащив из кармана курительную трубку, начал ее посасывать. – Скажу тебе честно, Джон, не нравится мне все это. – То, что он говорил очень тихо, делало его мнение еще более весомым. – Если прогноз подтвердится и ветер повернет с северо-запада, мы окажемся на подветренном берегу. Я не люблю шторма, и я не люблю подветренные берега, особенно когда это подветренные берега Нормандских островов.

Я решил, что он хочет, чтобы я вернулся к французскому побережью, и ничего не ответил. Я просто сидел, молча глядя на компасную катушку. Мне было немного страшно, но я также ощущал необъяснимое упрямство.

– Если бы не поломался двигатель... – пробормотал он.

– Зачем сейчас это обсуждать? – Это было нашей единственной поломкой. – Ты всегда говорил, что презираешь двигатели.

Свет от нактоуза падал ему на лицо. Хэл устремил на меня пристальный взгляд синих глаз.

– Я только хотел сказать, – мягко произнес он, – что, если бы двигатель не поломался, мы бы уже были на середине пролива и ситуация была бы совершенно иной.

– Возвращаться я не собираюсь.

Он вынул трубку изо рта, как будто собираясь что-то сказать, но затем снова сунул ее в рот и уставился на меня своими немигающими синими глазами.

Воцарилось неловкое молчание. После происшествия с пароходом я был ужасно зол и мои нервы были на взводе. Наконец он перестал посасывать трубку.

– Я всего лишь хочу дойти до порта, – тихо произнес он. – Но у нас ржавая оснастка и гнилой такелаж, а что касается парусов...

– Мы все это обсуждали в Морле, – оборвал я его. – Множество яхт пересекает Ла-Манш в гораздо худшем состоянии, чем «Морская Ведьма».

– Но не в марте, не в шторм и, ко всему прочему, без двигателя. – Он поднялся и подошел к мачте. Наклонившись, он за что-то потянул. Раздался треск. Вернувшись в кокпит, Хэл бросил к моим ногам обломок фальшборта. – Волна порезвилась. – Он снова сел рядом со мной. – Все это очень скверно, Джон. Яхту не осматривали. А после того, как она два года пролежала в грязи на французском берегу, корпус может оказаться таким же гнилым, как и тали.

– Корпус у нее хороший, – возразил я, чувствуя, как ко мне возвращается спокойствие. – Его всего-то нужно покрасить да заменить пару досок. Прежде чем ее купить, я осмотрел ее дюйм за дюймом и все проверил ножом. Дерево в полном порядке.

– А как насчет крепежей? – Он вопросительно приподнял правую бровь. – Только эксперт может утверждать, что крепежи...

– Я тебе уже сказал, что займусь этим, как только мы попадем в Лимингтон.

– Да, но это не поможет нам сейчас. Если на нас внезапно налетит шторм... Я осторожный моряк, – добавил он. – Я люблю море, но оно не любит вольностей, и я стараюсь с ним не шутить.

– Я не могу позволить себе осторожничать, – отозвался я. – Во всяком случае, сейчас.

Мы с Майком только что основали небольшое спасательное общество, и все, включая Хэла, понимали, что чем позже мы попадем в Англию, где нам предстояло переоборудовать яхту, тем позже мы приступим к погружениям.

– Я всего лишь предлагаю тебе немного отклониться от основного курса, – вздохнул он. – Мы можем успеть дойти до Гернси, что позволит нам воспользоваться налетевшим ветром и укрыться в Питер-Порте.

Ну конечно... Я провел ладонью по глазам. Мне следовало сразу догадаться, куда он клонит. Но я устал, и происшествие с пароходом выбило меня из колеи. Как мог этот корабль незаметно выйти прямо на нас? Я до сих пор не мог найти этому объяснения.

– Если ты разобьешь яхту, твоя затея от этого не выиграет, – вторгся в мои мысли голос Хэла, который истолковал мое молчание как отказ. – Даже если не брать в расчет оснастку, нас слишком мало.

Он был прав. Нас было только трое. Четвертый член экипажа, Айан Беард, слег с морской болезнью, как только мы вышли из Морле. «Морская Ведьма» была крупной девочкой, и управиться втроем с сорокатонной яхтой было очень сложно.

– Что ж, хорошо, – согласился я. – Берем курс на Гернси.

Он кивнул, как будто с самого начала только и ждал такого ответа.

– Тогда ложись на курс шестьдесят пять градусов на северо-восток.

Я повернул штурвал вправо, наблюдая за катушкой компаса, тут же проложившей новый курс. Должно быть, Хэл разрабатывал его в штурманской рубке, когда на нас вышел пароход.

– Насколько я понимаю, ты и расстояние высчитал?

– Пятьдесят четыре мили. И с этой скоростью, – добавил он, – рассветет задолго до того, как мы туда дойдем.

В воздухе снова повисло напряженное молчание. Я слышал, как он посасывает пустую трубку, но не сводил глаз с компаса, избегая смотреть в его сторону. Проклятье! Я сам должен был подумать о Питер-Порте! Но в Морле я был слишком занят, готовя яхту к отплытию... Я забегался так, что к моменту выхода в море едва держался на ногах.

– Этот корабль... – снова раздался из темноты его голос, заполняя бездну моего молчания. – Чертовски странно, – нерешительно продолжал он. – Знаешь, если на мостике и в самом деле никого не было... – Он запнулся, а потом попытался перевести все в шутку. – Вот это была бы спасательная операция. Тебе хватило бы работы до конца жизни. – Он произнес это очень серьезным голосом, но когда я поднял на него глаза, он пожал плечами и засмеялся. – Ладно, я, пожалуй, пойду еще посплю.

Хэл встал, и через секунду из темного дверного проема рубки до меня донеслось его «Спокойной ночи».

Вскоре после этого Майк принес мне кружку горячего бульона. Он подождал, пока я его выпью, без умолку болтая и строя самые безумные предположения относительно «Мэри Дир». Потом он тоже ушел, и вокруг меня сомкнулся ночной мрак. Неужели и вправду на мостике парохода никого не было? Возможность того, что по Ла-Маншу ходит судно без экипажа, казалась мне слишком фантастической. Но мне было одиноко и холодно, над моей головой с тихим шелестом раскачивались бледные полотнища парусов, роняя на меня унылые капли оседающего на них тумана, и сейчас я был готов поверить во все, что угодно.

В три ночи меня сменил Хэл, и целых два часа я спал. Мне приснился нависший над нашей яхтой тупой ржавый нос, который неумолимо и бесконечно долго на нас надвигался. Я проснулся в ужасе, обливаясь холодным потом, и несколько секунд лежал, вспоминая слова Хэла. Было бы очень странно, если бы мы занялись спасением этого судна, не успев... Прежде чем в моем мозгу успела сформироваться отчетливая мысль, я снова погрузился в дрему. Но уже через секунду кто-то начал трясти меня за плечо, и мне пришлось выбираться на палубу и, не успев толком проснуться, становиться к штурвалу. Меня окутал

ледяной предрассветный сумрак, и все воспоминания о «Мэри Дир» отошли на задний план, утратив актуальность и отчетливость.

Светало очень медленно. Рассвет наступал как будто нехотя, являя взгляду однообразное, угрюмое, слегка вздымающееся море. Крутые волны как будто расплюшились, утратив ночной пыл. Дул северный, но несильный ветер, и я обнаружил, что ночью мы успели лечь на другой галс.

Без десяти семь мы с Хэлом уже были в рубке, ожидая прогноза погоды. Он начался со штормового предупреждения для западной части Ла-Манша. Что касается нашего района вблизи Портленда, то он гласил: *«Легкий ветер, поначалу северный, позже переходящий в северо-западный и усиливающийся до штормового»*. Хэл покосился на меня, но промолчал. Говорить что-либо не было нужды. Я сверил наше местоположение и дал Майку курс на Питер-Порт.

Это было очень странное утро. По небу стремительно неслись рваные облака, но на уровне моря ветра почти не было, и даже под всеми парусами мы едва продвигались вперед со скоростью в жалких три узла, вяло покачиваясь на волнах. Нас по-прежнему окружало некое подобие тумана, и видимость не достигала и двух миль.

Мы почти не разговаривали. Думаю, что все остро осознавали нависшую над нами опасность. Угроза исходила от окружающего нас со всех сторон моря, а до Питер-Порта оставалось еще целых тридцать миль. Тишина и отсутствие ветра угнетали.

– Схожу еще раз проверю наше положение, – произнес я.

Хэл кивнул, как будто думал о том же самом.

Но изучение карт ничем нам не помогло. Насколько я мог судить, мы находились в шести милях к северо-северо-западу от скал Рош-Дувр. Это скопление утесов и подводных рифов образовывало западный форпост Нормандских островов. Но наверняка я сказать не мог. Все мои расчеты слишком сильно зависели от силы течения и дрейфа яхты в подветренную сторону.

И тут Майк оторвал меня от раздумий.

– Справа по курсу из воды торчит скала, – крикнул он. – Она очень большая.

Схватив бинокль, я выскочил из рубки на палубу.

– Где?

Внезапно у меня пересохло во рту. «Если это действительно скалы Рош-Дувр, – думал я, – это означает, что нас снесло гораздо дальше, чем я предполагал». И это не могло быть ничем иным. Между этими скалами и Гернси лежало открытое море.

– Где? – повторил я.

– Вон там, – показал Майк.

Я прищурился, но ничего не увидел. На мгновение облака разошлись, и от маслянистой поверхности моря отразились солнечные лучи. Насыщенный влагой воздух придавал этому свечению какой-то зловещий оттенок. Горизонта не было. На границе видимости море и воздух сливались воедино. Прижимая к глазам бинокль, я тщетно обшаривал взглядом море.

– Я ее не вижу, – сказал я. – До нее далеко?

– Я не знаю. Я уже потерял ее. Но до нее было не больше мили.

– Ты уверен, что это была скала?

– Думаю, да. Что еще это могло быть? – Он вглядывался в даль, сощурившись от окружающей нас слепящей дымки. – Это была большая скала, и на ней возвышалась какая-то остроконечная башенка.

Маяк Рош-Дувр! Я покосился на сидящего за штурвалом Хэла.

– Нам лучше изменить курс, – взволнованно произнес я. – Из-за прилива скорость упала до двух узлов.

Я думал о том, что если это действительно скалы Рош-Дувр, а ветер еще больше ослабнет, то нас может снести прямо на рифы.

Он кивнул и повернул штурвал.

– Выходит, ты ошибся в расчетах миль на пять.

– Да.

Он нахмурился. На его голове не было привычной зюйдвестки, и его седые волосы стояли торчком, придавая лицу удивленное и немного проказливое выражение.

– Мне кажется, ты недооцениваешь себя как штурмана, но это дело хозяйское. Какую поправку делать на ветер?

– По меньшей мере на два румба.

– Существует старая поговорка, – пробормотал он. – Когда осмотнительный моряк в чем-то сомневается, лучше исходить из того, что его расчеты верны. – Он посмотрел на меня, вопросительно приподняв свои кустистые брови. – Главное – не проплыть мимо Гернси, знаешь ли.

Я заколебался. Возможно, сказывалось напряжение долгой ночи, но я никак не мог решить, что нам следует предпринять.

– А ты видел эту скалу? – спросил я у Хэла.

– Нет.

Я обернулся к Майку и уточнил, уверен ли он в том, что то, что он видел, было скалой.

– При таком освещении вообще ни в чем нельзя быть уверенным, – последовал ответ.

– Но ты определенно что-то видел?

– Да. В этом я уверен. И мне показалось, что на том, что я видел, было какое-то подобие башни.

Сочащийся сквозь насыщенную влагой атмосферу водянистый солнечный свет озарял кокпит странным приглушенным сиянием.

– Тогда это должны быть Рош-Дувр, – прошептал я.

– Смотри! – закричал Майк. – Смотри вон туда.

Я проследил за направлением его вытянутой руки. На самой кромке видимости еле угадывались очертания округлой скалы, освещенной бледными солнечными лучами. На вершине утеса стоял маяк. Я немедленно направил туда бинокль, но все, что мне удалось разглядеть, это смутный рыжеватый контур чего-то расплывчатого, поблескивающего сквозь золотистую дымку. Нырнув в рубку, я выхватил карту, вглядываясь в форму плато Рош-Дувр. Оно представляло собой скальную россыпь, протянувшуюся на целую милю к северо-западу от девятиностовухфтовой башни маяка. Судя по всему, мы находились на самом краю этой россыпи.

– Принимай на север, – закричал я Хэлу, – и делай это как можно быстрее.

– Есть, командир.

Он завращал штурвал, крикнув Майку, чтобы тот переставил паруса. Когда я вышел из рубки, он оглядывался на маяк через плечо.

– Ты знаешь, – заговорил он, вглядываясь в дымку, – мне это кажется очень странным. – Я никогда своими глазами не видел Рош-Дувр, но я довольно неплохо знаю Нормандские острова, и я никогда не видел ни одной скалы, которая издалика казалась бы красной.

Я оперся о рубку и снова поднял к глазам бинокль. Солнечный свет становился все более ярким, и видимость с каждой минутой улучшалась. Я наконец-то смог все отчетливо рассмотреть и чуть не расхохотался от облегчения.

– Это не скала, – произнес я. – Это корабль.

Теперь сомнений у меня не осталось. Ржавый корпус уже не расплывался перед моими глазами, но отчетливо выделялся на фоне серой воды, а то, что я принял за башню маяка, на самом деле было единственной трубой судна.

Снова ложась на первоначальный курс, мы все смеялись от облегчения.

– Похоже, они застопорили машины и дрейфуют, – заметил Майк.

Я был вынужден с ним согласиться, потому что, когда мы легли на прежний курс, стало заметно, что положение корабля совершенно не изменилось. Он был развернут к нам боком, как будто его удерживал ветер. По мере того как мы приближались к судну и его очертания становились отчетливее, мы убеждались в том, что корабль стоит на месте, покачиваясь на небольших волнах. Нам предстояло пройти мимо, оставив его в полумиле от нас по правому борту. Я потянулся к биноклю. В этом судне было что-то такое... что-то в его очертаниях, и форме ржавого корпуса, и в немного опущенном носе.

– Наверное, получили пробоину и теперь выкачивают воду из трюма, – предположил Хэл.

Его голос прозвучал неуверенно, как будто он тоже ничего не мог понять.

Я навел резкость, и очертания судна резко приблизились. Это был старый корабль с прямой носовой частью, старомодной кормой с подзором и нагромождением надпалубных сооружений. Его единственная труба торчала почти вертикально, так же, как и мачты. Когда-то он был выкрашен в черный цвет, но сейчас у него был ржавый и неухоженный вид. В его облике чувствовалась какая-то безжизненность, не позволявшая мне опустить бинокль и отвернуться. И тут я заметил шлюпку.

– Курс прямо на судно, – обратился я к Хэлу.

– Что-то случилось? – спросил он, мгновенно отреагировав на тревогу в моем голосе.

– Да. Одна из шлюпок вертикально свисает со шлюпбалок. – Но дело было не только в этом. Все остальные шлюпбалки пусты. – Подойди к передним шлюпбалкам, – уточнил я.

Мой голос задрожал от постепенно охватывающего меня странного волнения.

Вскоре мы уже невооруженным глазом могли рассмотреть пустые шлюпбалки и единственную повисшую на таях шлюпку.

– Похоже, тут никого нет, – заметил Майк. – И нос сильно опущен. Как ты думаешь...

Он замолчал, не договорив. Мы все думали об одном и том же.

Мы подошли к пароходу посередине борта. Название на носу было так испещрено ржавыми потеками, что нам не удавалось его прочитать. И вообще стало ясно, что корабль находится в ужасном состоянии. Ржавая обшивка носа покособилась, палубные надстройки были повреждены, а нос, вне всяких сомнений, сильно просел, в результате чего корма задралась так высоко, что был виден винт. С грузовой стрелы на мачте свисала гирлянда проводов. Это был грузовой корабль, и, судя по тому, что предстало нашему взору, он попал в изрядную переделку.

Мы начали обходить судно вокруг, держась на расстоянии одного кабельтова от его борта. Я поднес ко рту мегафон и окликнул экипаж, но мой голос затерялся в тишине моря. Ответа не последовало. Единственным доступным нашему слуху звуком был плеск волн о борта парохода. Мы быстро приблизились к кораблю и прошли совсем рядом с его кормой. Наверное, мы все надеялись на то, что нам удастся прочитать его название. И внезапно оно оказалось перед нами. Высоко над нашими головами, так же, как и ночью, возникли покрытые ржавыми потеками буквы: *МЭРИ ДИР – Саутгемптон*.

Это было довольно крупное судно водоизмещением не менее шести тысяч тонн. Не было сомнений, что его покинула команда. Но почему рядом нет буксира и других спасательных кораблей?! В поле зрения не было ни единого судна, кроме нас и этого парохода, в полном одиночестве безжизненно покачивающегося на волнах в двадцати милях от французского побережья. Мы уже обогнули корму, и я поднял глаза, осматривая левый борт. Шлюпки исчезли, и шлюпбалки были пусты.

– Выходит, ты был прав, – произнес Майк, оборачиваясь к Хэлу. – Вчера вечером на мостике действительно никого не было.

Яхта начала удаляться от парохода, и мы молчали, не сводя с него глаз. Думаю, нас всех перед лицом этой загадки охватил благоговейный ужас. С пустых шлюпбалок обреченно свисали ходовые концы снастей. Из трубы вилась неуместная в данных обстоятельствах тонкая струйка дыма, единственный признак жизни на покинутом людьми судне.

– Должно быть, его оставили как раз перед тем, как оно едва не потопило нас, – проворкотал я.

– Но оно перло вперед на полном ходу, – произнес Хэл, обращаясь скорее к себе, чем к кому-то из нас. – Никто не покидает судно, когда его двигатели работают на полную мощность. И почему они не вышли в эфир и не позвали на помощь?

Я размышлял над шутливыми словами Хэла, которые он произнес накануне вечером. Если бы на борту действительно никого не было... Я стоял, вцепившись в поручень и пристально вглядываясь в пароход в поисках признаков жизни. Я был так напряжен, что сам себе напоминал тугую сжатую пружину, но я так ничего и не увидел – струйка дыма из трубы оставалась единственным признаком того, что на этом судне вообще когда-то были люди. Где же спасательные службы? Крупный брошенный экипажем пароход неприкаянно болтался в водах Ла-Манша. В это было почти невозможно поверить. И если бы нам удалось завести двигатели и привести его в порт... Я обернулся к Хэлу.

– Как ты думаешь, у тебя получится подвести «Морскую Ведьму» к его борту достаточно близко для того, чтобы я ухватился за один из этих тросов?

– Не дури, – последовал категоричный ответ. – Волны все еще довольно высоки. Мы можем повредить яхту. А если налетит шторм...

Но я был не в настроении прислушиваться к доводам рассудка и проявлять осторожность.

– К повороту! – скомандовал я. И добавил: – Вперед!

Мы легли на другой галс, и я отправил Майка в кубрик вытащить наверх Айана.

– Мы пройдем совсем рядом с ней, – пояснил я свои намерения, снова оборачиваясь к Хэлу. – Я прыгну и схвачусь за трос на ходу.

– Это безумие, – покачал головой Хэл. – Палуба слишком высоко. И что, если поднимется ветер? Снять тебя оттуда будет почти невозможно...

– К черту ветер! – воскликнул я. – Неужели ты думаешь, я упущу такой шанс? Что бы там ни произошло с теми беднягами, которые оставили свое судно, для нас с Майком это абсолютно уникальная возможность.

Он секунду смотрел на меня, а затем кивнул.

– Ладно. В конце концов, это твоя яхта. – Мы уже снова приближались к пароходу. – Мы подходим к нему с подветренной стороны, – произнес Хэл. – Из-за отсутствия ветра у меня могут возникнуть проблемы...

Он замолчал и поднял голову, глядя на вымпел.

Я сделал то же самое. Вымпел трепетал, вытянувшись в сторону правого борта. Нос яхты с тихим плеском рассекал воду, и брызги летели на бак. Я сверился с компасом.

– Не переживай, тебя на него не бросит, – заверил его я. – Ветер поменялся. Теперь он северо-западный.

Он кивнул, подняв глаза на паруса.

– Ты по-прежнему собираешься подняться на борт?

– Да.

– Постарайся не задерживаться. Ветер крепчает.

– Постараюсь, – пообещал я. – Если вам надо будет срочно меня позвать, воспользуйтесь сиреной.

Мы уже делали не меньше четырех узлов, и пароход быстро приближался. Я подошел к двери рубки и позвал Майка. Он появился почти мгновенно. У него за спиной стоял Айан.

Он едва держался на ногах, и было ясно, что его только что подняли с постели. Я вручил ему багор и велел стать на нос, готовясь в случае необходимости оттолкнуться от парохода.

– Мы развернемся как раз перед тем, как подойти к борту, – пояснил я. – Это погасит инерцию хода, и вы будете готовы снова отойти в сторону.

Я начал стаскивать с себя штормовку. Ржавые бока «Мэри Дир» уже возвышались над нами. Мне предстоял нелегкий подъем.

– К повороту? – спросил я.

– К повороту, – ответил Хэл и крутанул штурвал.

«Морская Ведьма» начала разворачиваться. Она делала это медленно, очень медленно. Какое-то мгновение мне казалось, что она уткнется своим длинным бушпритом в ржавую обшивку парохода. Но вот она повернулась. Мы были совсем рядом с «Мэри Дир». Ветра почти не было, и паруса лениво хлопали на мачтах. Яхта качалась на волнах, едва не царапая реей бок парохода. Я схватил фонарь и бросился бежать к мачте. Взобравшись на перекладину, я замер, упершись ногами в фальшборт и вцепившись в ванты. Мимо проплывали шлюпочные тали передних шлюпбалок. Между мной и бортом корабля все еще оставалось расстояние в несколько ярдов, но оно медленно сокращалось. Я смотрел, как ко мне приближаются тали задних шлюпбалок. Раздался скрежещущий дребезжащий звук. Это концы наших рей чиркнули по обшивке парохода у меня над головой. Я оказался на одной линии с таями первой шлюпбалки. Я наклонился и потянулся, но до них оставалось не меньше фута.

– Давай! – закричал Хэл.

Рей снова заскрежетали по борту. Я ощутил сильную встряску через ванты, на которых я едва не висел. И тут моя рука сомкнулась на тале, и я выпустил ванты, тяжело ударившись о борт парохода и на мгновение по колено погрузившись во вспучившуюся волну.

– Есть! – закричал я.

Хэл кричал Айану, чтобы он отпихивался от парохода, и бедняга отчаянно работал багром. Утлегарь ударил меня между лопаток с такой силой, что я едва не разжал пальцы. Я начал лихорадочно карабкаться вверх, опасаясь, что яхту качнет и ее корма расплющит мне ноги о борт парохода. Непосредственно под моими ступнями послышался треск дерева, но в следующее мгновение «Морская Ведьма» уже отошла на безопасное расстояние от корабля.

– Не задерживайся, – крикнул Хэл.

«Морская Ведьма» уже поймала ветер и набирала скорость, рассекая носом волны и оставляя за кормой вспененный кильватерный след.

– Я быстро, – крикнул в ответ я и полез вверх.

Этот подъем показался мне бесконечным. «Мэри Дир» постоянно переваливалось с борта на борт, и я то болтался над морем, то тяжело ударялся о железную обшивку. Временами мне казалось, что у меня ничего не выйдет. Когда я наконец добрался до верхней палубы, «Морскую Ведьму» уже отнесло на полмили, хотя Хэл развернул ее носом к ветру.

Море уже не казалось маслянистым и гладким. По всей его поверхности начали образовываться маленькие волны, расписавшие все вокруг белыми узорами барашков. Я знал, что времени у меня мало. Приложив руки рупором ко рту, я закричал:

– Эгей! На «Мэри Дир»! Есть кто живой?

На одном из вентиляционных отверстий испуганно затопталась чайка, внимательно разглядывая меня глазками-бусинками. Ответа не было. Единственным звуком, нарушающим окружающую тишину, было ритмичное, как метроном, хлопанье двери кормовой рубки, сопровождающееся ударами о борт болтающейся снаружи шлюпки. Было ясно, что корабль пуст. Свидетельства спешной эвакуации были разбросаны по палубе – шлюпочные тали, одежда, закатившаяся в желоб буханка хлеба, втоптаный в палубу кусок сыра, приоткры-

тый чемодан, из которого высыпались пачки сигарет, нейлоновые чулки и резиновые сапоги. Люди покидали корабль в спешке и ночью.

Но почему?

На мгновение мне стало не по себе. Я почувствовал себя чужаком на этом брошенном корабле, полном тайн и мертвенной неподвижности. Я быстро оглянулся на «Морскую Ведьму». Она показалась мне маленькой игрушкой в свинцовой безбрежности моря, и мне почудилось, что гуляющий по пустому кораблю ветер стонет: «Спеши! Спеши!»

Необходимо было быстро осмотреть корабль и принять какое-то решение. Я бросился вперед и по трапу взлетел на капитанский мостик. Рулевая рубка была пуста. Как ни странно, но меня шокировало то, как здесь все было обыденно: пара грязных чашек на полке, трубка, которую кто-то аккуратно положил в пепельницу, бинокль на сиденье капитанского кресла и машинный телеграф, установленный на «Самый полный». Казалось, что сюда вот-вот войдет рулевой, чтобы занять свое место у штурвала.

Но снаружи было предостаточно свидетельств пережитого несчастья: все левое крыло мостика было смято, трап как будто кто-то сломал и изогнул, а внизу, на колодезной палубе, море практически сорвало обшивку с носового трюма и размотало катушку стального троса, превратив его в хаос спутанных петель, напоминающих колючую проволоку. Но все это никак не объясняло того, почему экипаж покинул судно. Брезент над грузовым люком был отвернут. Рядом лежали новые доски, как будто занимавшийся ремонтом палубный вахтенный всего лишь отлучился на чашку чая.

Штурманская рубка, расположенная сразу позади рулевой, тоже не пролила свет на загадку. Более того, она все еще больше усложнила. Судовой журнал был открыт на последней записи: *Время 20.46. До маяка Лезу около 12 миль. Направление 114 градусов. Ветер юго-восточный, сила 2 балла. Волнение умеренное. Видимость хорошая. Новый курс на Нидлс² – 33 градуса на северо-восток.* Дата – восемнадцатое марта – и время указывали на то, что эту запись сделали всего за час сорок пять до того, как «Мэри Дир» едва нас не потопила. Записи в судовом журнале делались каждый час, таким образом, что бы ни заставило этих людей покинуть корабль, это произошло между девятью и десятью часами вчерашнего вечера, наверное, как раз тогда, когда на море опустился туман.

Просмотрев записи, я не нашел ничего, что указывало бы на необходимость подобного спешного бегства с судна. На пути следования на пароход постоянно налетали штормы, и его изрядно потрепало. Но больше ему ничто не угрожало. *Плавание становится опасным, отдельные волны разбиваются о капитанский мостик. Мы ложимся в дрейф. Течь в первом трюме. Насосы не справляются.* Эта запись от шестнадцатого марта гласила о наихудшем. Сила ветра достигала одиннадцати баллов на протяжении двенадцати часов. Перед этим, с того самого момента, когда судно через Гибралтарский пролив покинуло Средиземное море, сила ветра не опускалась ниже семи баллов. Несколько раз регистрировался ветер в десять баллов, а это уже сильный шторм. Насосы беспрерывно откачивали воду из трюма.

Если бы они покинули корабль шестнадцатого марта, во время шторма, это было бы нетрудно понять. Но из журнала следовало, что они обогнули Уэссан утром восемнадцатого марта, когда стояла ясная погода, волнение было умеренным, а сила ветра не превышала трех баллов. Тут даже была приписка: *«Насосы работают хорошо. Команда освобождает палубу от обломков и ремонтирует люк первого трюма».*

Я ничего не понимал.

На верхнюю или шлюпочную палубу вел трап. Дверь в каюту капитана была открыта. Внутри было чисто и аккуратно. Все вещи лежали на своих местах. Ни следа поспешного бегства. С письменного стола мне улыбалось девичье лицо в большой серебряной рамке.

² Нидлс (Needles) в переводе с англ. означает «иглы» – меловые скалы у западного побережья острова Уайт.

На светлых волосах девушки играло солнце, а внизу снимка она нацарапала: «*Папочка, bon voyages*³! *И возвращайся поскорее. С любовью, Джанет*». Рамка была присыпана угольной пылью. Эта же пыль покрывала стол, и я обнаружил ее даже на папке бумаг, оказавшихся грузовой декларацией, из которой я узнал, что тринадцатого января в Рангуне «Мэри Дир» приняла на борт груз хлопка и взяла обратный курс на Антверпен. На бумагах, которыми был заполнен лоток для документов, лежало несколько присланных авиапочтой писем во вскрытых ножом конвертах. Марки на конвертах были английскими, и получателем был указан капитан Джеймс Таггарт, борт «Мэри Дир», Аден. Все это было написано теми же округлыми и несколько неровными буквами, что и надпись на снимке. В груде бумаг под письмами я нашел отчеты, написанные мелким аккуратным почерком и подписанные «Джеймс Таггарт». Но они касались только плавания от Рангуна до Адена. На столе рядом с лотком лежало запечатанное письмо, адресованное мисс Джанет Таггарт, Университетский колледж, Гоуэр-стрит, Лондон, WC1. Почерк был другим, и штемпеля на конверте не было.

Все эти мелочи, милые уютные детали... Не знаю, как это объяснить, но они еще больше усилили нарастающую у меня в груди тревогу. Я стоял посередине аккуратной каюты, в которой продолжало храниться и витало в воздухе все то, что сопровождало этот корабль по жизни, но вокруг было тихо, как в могиле. Тут мой взгляд упал на плащи на двери, два висящих рядом синих плаща офицеров торгового флота. Один из них был гораздо больше другого.

Я вышел из каюты, хлопнув дверью, как будто, закрыв ее, я мог отгородиться от внезапно охватившего меня необъяснимого страха.

– Эгей! Есть кто здесь?

Мой высокий и хриплый голос эхом разнесся по кораблю. Ветер застонал мне в ответ. «Скорее! Я должен спешить!» – напомнил я себе. Все, что я должен был сделать, это заглянуть в машинное отделение и решить, сможем ли мы запустить двигатели.

Я с грохотом слетел в темный колодец шахты сходного трапа, вслед за лучом своего фонаря. Проходя мимо открытой двери кают-компания, я мельком осветил накрытый стол и в спешке отодвинутые стулья. В затхлом воздухе витал легкий запах гари. Но источником этого запаха был не камбуз – огонь был потушен, плита давно остыла. В желтый круг фонаря попала полупустая банка мясных консервов на столе. Кроме тушенки там было масло, сыр, буханка хлеба с присыпанной угольной пылью корочкой. Угольная пыль была и на рукоятки ножа, которым резали хлеб, и на полу.

– Есть тут кто-нибудь? – заорал я. – Эгей! Отзовитесь!

Ответа не последовало.

Я вернулся в межпалубное пространство, протянувшееся вдоль левого борта корабля. Тут было темно и тихо, как в штольне шахты. Я было зашагал по коридору, как вдруг замер. Я снова услышал звук, который раздавался уже давно, но ускользал от моего внимания. Этот хруст, похожий на шорох гравия, доносился откуда-то из глубин корабля. Казалось, стальные плиты трутся о морское дно. Это был очень странный и даже зловещий звук, и как только я зашагал по коридору, он внезапно прекратился. В полном вакууме воцарившейся тишины я снова услышал завывание ветра.

Дверь в дальнем конце коридора распахнулась, впуслав проблеск дневного света. Я направился к ней, обратив внимание на то, что кислый запах гари усилился настолько, что почти заглушил тяжелый смешанный запах горячего машинного масла, несвежей еды и морской сырости, которым пропитано межпалубное пространство всех грузовых кораблей. Пожарный шланг, присоединенный к гидранту возле двери машинного отделения, извивался по залитому водой полу и исчезал за открытой дверью на колодезной палубе. Я пошел

³ Доброго пути! (фр.)

за ним. Выйдя на свет, я увидел, что люк третьего трюма обуглился и наполовину сгорел, а четвертый трюм приоткрыт. Пожарные шланги опутали палубу и уходили в открытый смотровой люк третьего трюма. Я спустился на несколько ступеней по уходящему вертикально вниз трапу и посветил в темноту фонарем. Но внизу не было ни дыма, ни зловеющих отсветов, а кислый запах пожара казался застарелым и смешивался с едким запахом химикалий. Пустой пенный огнетушитель перекатывался по полу, грохоча о стальные плиты фальшборта. Черная яма трюма была заполнена обгоревшими и вымокшими тюками хлопка. Откуда-то из-под тюков слышался плеск воды.

Очевидно, кому-то удалось потушить пожар. От него не осталось даже тонкой струйки дыма. И все же команда покинула корабль. В этом не было никакого смысла. Я вспомнил вчерашний вечер и повисший в тумане запах гари, шлейфом тянувшийся за едва не потопившим нас пароходом. Камбуз и каюта капитана были засыпаны угольной пылью. Я бросился бежать к двери машинного отделения, вспомнив звук пересыпающегося гравия. Что, если это был не гравий, а уголь? Может, внизу, в кочегарке, кто-то есть? Где-то в недрах корабля хлопнул люк. А может, это была дверь? Я ступил на мостик, зависший над черной бездной машинного отделения, которое пересекали стальные решетки и вертикальные трапы.

– Эгей! – закричал я. – Есть тут кто-нибудь?

И снова ответа не последовало. В свете фонаря блеснула отполированная медь. Чуть более тускло отсвечивала вороненая сталь. Среди туманных очертаний двигателей я не заметил ни малейшего движения. Снизу раздавался только тихий плеск воды в такт покачиваниям судна.

Я колебался, не решаясь спуститься в кочегарку. Меня как будто пригвоздил к месту какой-то непостижимый страх. И тут я услышал шаги.

Они доносились из коридора, протянувшегося вдоль правого борта. Подошвы ботинок глухо стучали по стальным плитам пола. Кто-то медленно прошел мимо двери машинного отделения и тяжелой шаркающей походкой направился к капитанскому мостику. Звук шагов постепенно удалился и стих, заглушенный плеском воды в трюмах.

Секунд двадцать я стоял, как парализованный, а потом бросился к двери, распахнул ее и выскочил в коридор, в спешке споткнувшись о ступеньку, уронив фонарь и врезавшись в противоположную стену с такой силой, что у меня помутилось сознание. Фонарь упал в лужу ржавой воды и лежал там, рассеивая окружающую тьму, подобно светляку. Я наклонился, поднял его и посветил вглубь коридора.

Там никого не было. Луч фонаря достал даже до ведущего на палубу трапа, но коридор был пуст. Я закричал, но мне никто не ответил. Я слышал лишь скрип деревянных частей корабля да плеск воды. Где-то над головой ритмично хлопала дверь кормовой рубки. А затем моего слуха достиг едва различимый далекий звук, звук, в котором слышалась тревога. Это сирена «Морской Ведьмы» взывала ко мне, требуя моего возвращения.

Я бросился бежать. Когда я подбежал к трапу, ведущему на палубу, к сирене «Морской Ведьмы» примешался вой ветра в судовых надстройках. Скорее! Скорее! Отчаянный крик сирены звучал все настойчивее, так же как и шум ветра.

Я уже добежал до трапа и начал карабкаться вверх, когда вдруг увидел его. На мгновение раскачивающийся луч фонаря выхватил его из темноты – смутная фигура, замершая неподвижно в дверном проеме. Он показался мне абсолютно черным, лишь тускло поблескивали белки глаз.

От изумления я снова замер. Вся эта тишина, призрачная тишина мертвого корабля стиснула мне горло. А потом я направил луч фонаря прямо на него. Это был крупный мужчина, одетый в бушлат и резиновые сапоги. Он действительно был черным от покрывающей его угольной пыли. На его лице выступил пот, проложивший бороздки по его измазанному

пылью лицу. Казалось, что эти следы оставлены крупными слезами. Кожа у него на лбу блестела. Всю правую сторону его подбородка занимал синяк, покрытый запекшейся кровью.

Внезапно он стремительно шагнул вперед и слетел по трапу на меня, выбив из моей руки фонарь. Я ощутил запах застарелого пота и угольной пыли, а его мощные пальцы стиснули мои плечи и встряхнули меня, как ребенка, повернув мое лицо к дневному свету, струящемуся в дверь наверху.

– Что вам нужно? – произнес он резким хриплым голосом. – Что вы здесь делаете? Кто вы?

Он изо всех сил встряхнул меня, как будто стремясь вытряхнуть из меня правду.

– Я Сэндс, – выдохнул я. – Джон Сэндс. Я пришел, чтобы посмотреть...

– Как вы попали на борт? – хрипло и агрессивно поинтересовался он.

Это был голос человека, привыкшего командовать.

– По шлюпочным таям, – ответил я. – Мы увидели, что «Мэри Дир» лежит в дрейфе, а потом заметили, что шлюпки исчезли. Вот мы и подошли поближе, чтобы все выяснить.

– Выяснить! – возмутился он. – Здесь нечего выяснять. – Но он тут же заторопился, неослабевающей хваткой стискивая мои плечи. – Хиггинс с вами? Вы его подобрали? Вы поэтому здесь?

– Хиггинс?

Я удивленно уставился на него.

– Да, Хиггинс. – Он произнес это имя почти с ненавистью, к которой примешивалось отчаяние. – Если бы не он, я бы уже благополучно привел судно в Саутгемптон. Если Хиггинс у вас... – Внезапно он замолчал и склонил голову набок, прислушиваясь. Сирена звучала уже гораздо ближе, и я слышал голос Майка. – Вас зовут. – Его пальцы судорожно стиснули мои плечи. – Какое у вас судно? – спросил он. – Что это за судно? – тут же повторил он, не дожидаясь ответа.

– Яхта. Вчера вечером вы едва нас не потопили, – неизвестно зачем добавил я.

– Яхта! – Он выпустил меня с каким-то всхлипом, напоминающим вздох облегчения. – Что ж, вам лучше на нее вернуться. Ветер крепчает.

– Да, – согласился я, – нам надо спешить – нам обоим.

– Нам обоим? – нахмурился он.

– Конечно, – кивнул я. – Мы снимем вас с парохода, а когда придем в Питер-Порт...

– Нет! – буквально взорвался он. – Нет! Я остаюсь со своим кораблем.

– Вы, наверное, капитан?

– Да. – Он наклонился, поднял мой фонарь и подал его мне. До нас снова донесся едва различимый голос Майка, этот странный и бестелесный зов из внешнего мира. Ветер завывал на низкой плачущей ноте. – Поторопитесь, – добавил капитан.

– Тогда пойдемте, – произнес я, будучи не в состоянии поверить в то, что он хочет остаться. Даже дураку было бы ясно, что он не в состоянии что-либо сделать для корабля.

– Нет, я не оставлю свое судно, – повторил он и, выйдя из себя, закричал на меня, как на иностранца, на которого проходило кричать, чтобы донести до него смысл своих слов. – Говорю вам, я его не оставлю!

– Не будьте глупцом, – ответил я. – В одиночестве вы ничего здесь не сделаете. Мы идем в Питер-Порт. Вы будете там уже через несколько часов, и тогда сможете...

Он затряс головой, как загнанный в угол зверь, а потом замахал на меня рукой, как будто подавая сигнал уходить.

– Надвигается шторм.

– Я знаю, – отозвался он.

– Бога ради, послушайте... Это ваш единственный шанс убраться отсюда. – Поскольку он был капитаном и было ясно, что он прежде всего думает о судне, я добавил: – И это един-

ственный шанс для корабля. Если вы очень скоро не вернетесь сюда с буксиром, его снесет прямо на Нормандские острова. Было бы гораздо лучше, если бы вы...

– Убирайся с моего корабля! – Внезапно его затрясло. – Ты меня слышишь? Убирайся немедленно! Я знаю, что я должен делать.

В его голосе сквозило безумие, а поведение вдруг стало угрожающим. Но я не сдавался.

– Значит, вы уже ожидаете спасательный буксир? – Мне показалось, что он меня не понимает, и я уточнил: – Вы послали радиogramму с сообщением о пожаре?

Поколебавшись мгновение, он ответил:

– Да, да, я послал радиogramму. А теперь уходите.

Несколько мгновений я стоял в нерешительности. Но у меня не осталось аргументов, и если он не желал покинуть судно... Я начал подниматься по трапу, но на середине остановился и посмотрел на него.

– Я от всей души надеюсь, что вы передумаете. – Из темноты внизу на меня смотрело его лицо, жесткое и волевое, еще молодое, но уже изрытое глубокими морщинами, которые от усталости стали еще глубже. На нем была написана безысходность, но мне он почему-то показался на удивление трогательным. – Пойдемте со мной, пока у вас есть такая возможность.

Но он не ответил. Он развернулся и ушел. А я взобрался по трапу на палубу, где на меня с воем навалился ветер. Все море было покрыто белыми барашками, среди которых всего в двух кабельтовых от парохода бешено плясала на волнах «Морская Ведьма».

Глава вторая

Я пробыл на борту «Мэри Дир» слишком долго. Я понял это, как только «Морская Ведьма» развернулась, чтобы подойти к пароходу. Она буквально неслась на меня, подгоняемая попутным ветром, глубоко зарываясь носом во всклокоченную ветром воду. Яхта вспарывала бушпритом верхушки волн, пронзая их всем корпусом и выходя из них в веере брызг. Хэл был прав. Мне не стоило подниматься на борт парохода. Я подбежал к талям, проклинавшая безумца, отказавшегося от спасения. Если бы он присоединился ко мне, вся моя затея обрела бы смысл.

«Морская Ведьма» накренилась от порыва ветра. Хэл сражался со штурвалом, а все паруса яхты надувались так, что казалось, еще немного – и их сорвет с мачт. Кливер наполнился ветром, издав хлопок, похожий на пистолетный выстрел, так накренив суденышко, что в просвет между волнами стал виден бок яхты ниже ватерлинии. В следующую секунду большой парус лопнул поперек, и его тут же изорвало в клочья. Порывы ветра были такими сильными, что паруса было необходимо зарифить, но команде из трех человек все равно не удалось бы сделать это. Безумием была уже сама попытка подойти к пароходу. Я впервые видел, чтобы шторм надвигался так стремительно. Но Майк отчаянно махал рукой, показывая мне, чтобы я спускался, а Хэл вцепился в штурвал, подводя яхту все ближе. Грот трепетал на мачте, едва наполненный ветром, а на форштаге развевался превратившийся во множество вымпелов кливер. Я схватился за один из фалов и, прыгнув за борт, заскользил вниз, торопливо перебирая руками. Оказавшись по пояс в накатившей на меня волне, я поднял голову и увидел нависшие надо мной, подобно высокому утесу, ржавые плиты обшивки.

Я слышал приближение «Морской Ведьмы», слышал, как ее нос рассекает волны и как ее корпус уверенно режет воду. Раздались крики, и, оглянувшись через плечо, я увидел, что она уже совсем близко. Хэлу никак не удавалось развернуть ее боком ко мне, и бушприт яхты почти касался ржавого борта парохода. Меня раскачивало во все стороны порывами ветра. Но как только яхта повернулась, все ее паруса надулись и она пронеслась мимо в добрых двадцати ярдах от меня. Я остался раскачиваться, повиснув на фале над бушующими волнами. Хэл что-то прокричал.

– Ветер... сильный... корабль... разворачивает.

Больше я ничего не услышал, хотя он был так близко, что я видел воду, капающую с его штормовки, и его изумленно распахнутые синие глаза под козырьком зюйдвестки.

Разбивающиеся о борт корабля волны поднимали вверх фонтаны брызг, очень скоро промочивших меня насквозь. Я чувствовал, как ветер прижимает меня к ржавому корпусу парохода. Его так раскачивало, что мне приходилось сжиматься в клубок, готовясь к очередному удару о борт. Постепенно до меня начало доходить, что, собственно, произошло. Ветер развернул «Мэри Дир» бортом к ветру, и я оказался с наветренной стороны. Теперь ничто не защищало меня от мощи надвигающегося шторма.

«Морская Ведьма» снова развернулась, и я хотел крикнуть Хэлу, чтобы он не дурил, что все их попытки тщетны.

Теперь, когда пароход развернулся, было слишком опасно пытаться к нему подойти. Ветер тут же прижал бы яхту к огромному кораблю. Вместо этого я молча молился, чтобы ему это каким-то образом удалось, потому что я понимал, что долго не продержусь. Канат стал скользким от воды, и я промерз до костей.

Я не знаю, как у Хэла это вышло, но, несмотря на отсутствие кливера, без которого разворачивать яхту было адски трудно, он подвел ее совсем близко и предоставил ей самостоятельно дрейфовать по ветру. Это был великолепный образчик мореходного искусства. В какой-то момент я мог бы дотянуться до кормы. Думаю, еще немного, и я оказался бы

на палубе яхты, но тут «Мэри Дир» качнуло, и меня снова швырнуло на ледяной металл ее борта. Тем временем такая родная корма моей яхты скользнула прочь, потому что Хэл снова завращал штурвал, пытаясь не позволить ветру разнести ее в щепы о корпус парохода.

– Бесплезно... не получится... слишком опасно... Питер-Порт...

Обрывки выкриков Хэла донесли до меня, когда я качнулся от борта корабля и снова повис над водой, над тем самым местом, где всего несколькими секундами ранее находилась корма «Морской Ведьмы». Я хотел крикнуть, чтобы он попытался еще раз, всего один раз. Но я знал, что это поставило бы под удар не только яхту, но и жизни всех троих людей на ней.

– Хорошо! – закричал я. – Идите в Питер-Порт. Удачи!

Он что-то прокричал в ответ, но я не расслышал его слов. «Морская Ведьма» уже исчезла за носом парохода, подгоняемая почти ураганным ветром, надувшим ее грот. Я поднял голову, чтобы посмотреть на нависающую надо мной железную стену, а затем начал карабкаться наверх, надеясь оказаться на палубе, прежде чем меня покинут силы.

Но с каждым креном корабля меня швыряло о борт. С одной стороны, это на несколько мгновений крепко прижимало меня к ржавой обшивке, давая точку опоры и позволяя передохнуть. Но каждый удар также вышибал из меня весь дух, лишая меня сил. А всякий раз, когда я снова повисал над морем, мне стоило большого труда не разжать онемевшие от холода пальцы. Я слишком долго висел на этом тросе, и мои руки и колени дрожали от перенапряжения. Волны разбивались о борт, обдавая меня ледяным облаком брызг. Порой эта зеленая вода поднималась так высоко, что я погружался в нее по пояс, и, отступая, она пыталась утащить меня за собой.

Я поднялся всего на несколько футов и понял, что сил у меня больше не осталось. Улучив момент, когда меня в очередной раз расплющило о борт парохода, я покрепче обвил трос ногами и разжал пальцы одной руки. Затем я схватил свободный конец фала, продел его между ног и обернул через плечо. Это сняло напряжение с моих рук. Но это не вернуло меня на палубу парохода. Я начал кричать, но ветер уносил звуки моего голоса в море. Я знал, что капитан меня все равно не услышит, но продолжал кричать, молясь о том, чтобы он пришел. Он был моей единственной надеждой. А потом я перестал кричать, потому что у меня не осталось сил и на это. Я был избит и измучен. Меня то болтало над всклокоченными волнами, то швыряло о борт корабля. И постепенно до меня дошло, что это конец.

Того, чего невозможно избежать, вы уже не боитесь. Просто принимаете, вот и все. Но я помню, как я тогда размышлял над иронией судьбы. Море всегда означало для меня жидкий, тихий и безмятежный мир, по зеленым коридорам которого я скользил вниз, к темным глубинам. Вдоль высоких стен рифов, населенных неописуемо яркими в пронизанных солнцем поверхностных слоях воды рыбами, все ниже и ниже, к смутным очертаниям обломков потерпевших крушение судов, от долгого лежания на дне обросших ракушками. Но сейчас море больше всего походило на неукротимую ярость какого-то гиганта, бросающегося на меня, хватающего меня и захлебывающегося пеной собственного гнева.

А затем меня посетила надежда. Это произошло, когда моя рука неожиданно задела ржавый борт. Закапавшую с содранных костяшек пальцев кровь тут же смывали ослепительные веера брызг. Я, как замороженный, смотрел на отслаивающуюся от движения моего тела ржавчину. Я не поднимал голову. Я вообще не шевелился, опасаясь того, что все это мне лишь почудилось и на самом деле наверх меня никто не тащит. Но когда море перестало дотягиваться до меня, разбиваясь о борт корабля, я понял, что это правда. Тогда я посмотрел наверх и увидел развернутую шлюпбалку и движущиеся, туго натянутые шлюпталы.

Подъем длился бесконечно долго, но наконец моя голова поравнялась с палубой, и я взглянул в изможденное лицо и темные неистовые глаза капитана «Мэри Дир». Он перевалил меня через борт, и я рухнул на палубу. До этого момента я и не подозревал, каким удобным может быть железный настил палубы.

– Вам лучше переодеться во что-нибудь сухое, – произнес капитан.

Он поднял меня на ноги, и я стоял там, пытаюсь его поблагодарить. Но я был слишком измучен и от холода не чувствовал ни рук, ни ног. Язык меня тоже не слушался. Я стучал зубами. Он перебросил мою руку через свою шею и почти понес на себе в одну из офицерских кают.

– Выбирай, что хочешь, – произнес он, переходя на «ты» и усаживая меня на койку. – Райс был приблизительно твоего роста.

Несколько секунд он, нахмурившись, смотрел на меня, как будто я представлял собой какую-то проблему, которую ему теперь предстояло решать. Затем он повернулся и вышел.

Я откинулся на спину. Усталость вытесняла сознание из моего мозга, неподъемным грузом повиснув на веках. Но в моем теле не осталось ни капли тепла, и промокшая ледяная одежда заставила меня встать с койки, раздеться и растереться полотенцем. В каком-то ящике я нашел сухую одежду: шерстяное белье, рубашку, брюки и свитер. Я с наслаждением натянул все это на себя, чувствуя, как в мое тело возвращается тепло. Наконец-то я перестал стучать зубами. Из пачки на столе я взял сигарету и закурил. Лежа на койке с закрытыми глазами, я с наслаждением затянулся и почувствовал себя намного лучше. О себе я уже не беспокоился – только о «Морской Ведьме». Я молил Бога, чтобы она благополучно дошла до Питер-Порта.

От неожиданного тепла меня начало клонить в сон. В каюте было душно и пахло старым потом. Я с трудом удерживал в пальцах сигарету. А потом откуда-то издалека до меня донесся голос, который произнес:

– Сядь и выпей вот это.

Я открыл глаза. Надо мной снова стоял капитан с дымящейся кружкой в руке. Это был чай, сдобренный ромом. Я хотел было его поблагодарить, но он оборвал меня резким и гневным движением руки. Он молча смотрел на то, как я пью чай, и в его молчании сквозила странная враждебность.

Корабль сильно качало, и в открытую дверь каюты был слышен вой ветра на палубе. Если разыграется сильный шторм, буксировать «Мэри Дир» будет очень сложно. Возможно, спасатели не смогут даже перебросить нам буксировочный трос. Я вспомнил, как Хэл назвал побережье Нормандских островов подветренным берегом. Теплое питье вдохнуло в меня новые силы. Теперь я даже смог задуматься о своей дальнейшей судьбе на борту «Мэри Дир». Я поднял голову и посмотрел на застывшего передо мной человека, задаваясь вопросом, почему он остался на корабле.

– Как вы думаете, когда подоспеет помощь? – спросил я.

– Помощи не будет. Я ее не запрашивал. – Внезапно он наклонился ко мне, стиснув кулаки и играя желваками на скулах. – Какого черта ты не остался на своей яхте?

С этими словами он резко развернулся и направился к двери.

Он был на полпути к выходу, когда я его окликнул.

– Таггарт! – позвал я, садясь на койке и опуская ноги на пол.

Он развернулся на каблуках, покачнувшись, как будто я ударил его в спину.

– Я не Таггарт. – Он снова подошел ко мне. – Что заставило тебя предположить, что я Таггарт?

– Вы сказали, что вы капитан.

– Да, я капитан. Но меня зовут Пэтч. – Он снова темной тенью навис надо мной, заслонив от меня свет лампы. – Как ты узнал о Таггарте? У тебя какие-то дела с судовладельцами? Ты поэтому оказался рядом... – Гнев покинул его голос, и он провел рукой по испачканному угольной пылью лицу. – Нет, этого не может быть. – Он еще несколько секунд всматривался в меня, а затем пожал плечами. – Поговорим об этом позже. Времени у нас много. Бесконечно много. А сейчас тебе лучше поспать.

Он снова повернулся и быстро вышел из каюты.

Поспать! Пять минут назад я хотел этого больше всего на свете. Но сейчас сон как рукой сняло. Не могу сказать, что я испугался. Тогда мне было не страшно, а просто немного не по себе. Меня ничуть не удивило странное поведение этого человека. Он двенадцать часов провел на борту в полном одиночестве. Он в одиночку потушил пожар и до полного изнеможения подбрасывал уголь в топку. Двенадцать часов ада могут кого угодно довести до нервного истощения. Но если он капитан, то почему его зовут не Таггарт? И почему с корабля не послали радиogramму о помощи?

Я встал, на негнущихся ногах подошел к столу и обулся в валявшиеся под ним резиновые сапоги. Корабль бешено раскачивало, потому что он был развернут одним бортом к ветру. Я поднялся на палубу, где меня встретили холод, оглушительный рев ветра и дождь. Я бросился бежать к капитанскому мостику. Видимость упала до одной мили, и все море было покрыто грязно-белой пеной волн, над которыми висело облако брызг. Гребни волн и дымку брызг рвал в клочья ветер, порывы которого уже обрели ураганную силу.

Компас показывал, что корабль обращен носом на север. Направление ветра изменилось, и теперь он дул с запада – почти чистый фордевинд на Питер-Порт. Я стоял, вслушиваясь в рев шторма, глядя на безрадостные серые волны, и пытался понять, на что я могу рассчитывать. Если бы у Хэла все получилось – если бы он подошел к Гернси с подветренной стороны и укрылся в Питер-Порте... Но для этого ему потребуется несколько часов, и он не сразу поймет, что сигнал бедствия с парохода так и не поступил. И даже после этого спасательному судну придется бороться со штормом, чтобы добраться до нас. На это уйдет не меньше шести часов, и к этому времени уже стемнеет. В такую погоду и в темноте спасателям нас все равно не найти.

Я резко повернулся и вошел в штурманскую рубку. На карте было отмечено новое положение. Маленький крестик стоял в двух милях к северо-востоку от скал Рош-Дувр. Рядом было отмечено время – 11:06. Сейчас было одиннадцать пятнадцать. Я приложил линейку по направлению нашего дрейфа. Если западный ветер продержится еще некоторое время, нас снесет прямо на рифы Минкерс. Капитан это тоже понял, потому что на карте была нанесена едва заметная карандашная линия, а там, где он уперся пальцами в рифы, виднелось грязное пятно.

Что ж, по крайней мере, он рассуждает достаточно здраво, чтобы осознавать угрожающую нам опасность! Я стоял и смотрел на карту, размышляя о том, что все это значит. Перспектива угодить на скалистые утесы острова Джерси не сулила ничего хорошего, но Минкерс...

Я потянулся к книжной полке над штурманским столом в поисках второй части «Люции пролива Ла-Манш». Этой книги там не оказалось. Впрочем, это не имело значения. Я был достаточно наслышан об этом устрашающем скоплении скал и рифов.

Я пытался представить себе, как шторм разнесет наш корабль, бросив его на подводные скалы, как вдруг заметил дверь с надписью «Радиорубка». В рубку вел крутой трап. Двери не было, и не успел я войти, как понял, почему сигнал бедствия так и не был послан. Помещение выгорело дотла.

Я замер в изумлении, не решаясь войти. Сначала пожар в трюме, а теперь еще и это! Но этот пожар случился давно. Здесь не осталось и следа запаха гари, а прогоревшие стены и крыша были залатаны новыми досками. Но привести рубку в порядок явно даже не пытались. Аварийные аккумуляторы провалились сквозь обугленную крышу и так и остались лежать на полу, в том месте, куда они упали. Один из аккумуляторов рухнул на почерневший от огня стол и раздавил оплавившиеся остатки передатчика. От койки и стула почти ничего не осталось. Теперь они представляли собой обуглившиеся деревянные скелеты. С закрепленного на стенах и тоже обгоревшего до неузнаваемости радиооборудования сви-

сали сталактиты из расплавившегося олова. Пол был усыпан каким-то оборудованием, превратившимся в груды почерневшего и искореженного металла вперемешку с деревянными головешками. Что бы ни вызвало этот пожар, он отличался необычайной свирепостью. Вода сочилаь сквозь дыры в стенах, стекая по почерневшим доскам. Ветер ворошил промокший пепел и тряс жалкое строение, с завыванием гуляя по мостику.

Я медленно спустился по трапу в штурманскую рубку. Быть может, судовой журнал сможет хоть что-то прояснить? С этой мыслью я подошел к столу и обнаружил, что журнала там больше нет. Я прошел в рулевую рубку и на мгновение замер при виде огромной волны, вздымающейся из мрака за левым бортом. С гребня волны струилась пена. Она с грохотом обрушилась на железный фальшборт, а затем погребла под собой всю переднюю часть судна. Все, за исключением мачты и грузовой стрелы, скрылось в бушующей белой пене. Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем я снова увидел нос судна, и из моря как бы нехотя поднялись смутные очертания фальшборта.

Сбежав по трапу, я бросился в каюту капитана, но его там не оказалось. Я заглянул в кают-компанию и в камбуз и только тут догадался, что он, видимо, снова в кочегарке. Я нисколько не сомневался в том, что нам необходимо сделать. Первым делом мы должны были запустить насосы. Но в машинном отделении было темно, и я не услышал звука забрасываемого в топку угля. Я вышел на переходный мостик и закричал, но в ответ раздалось только эхо моего собственного голоса – едва слышный звук, заглушенный грохотом волн о корпус парохода и плеском воды в трюме. Внезапно на меня нахлынуло ужасающее и совершенно детское чувство одиночества и утраты. Я не хотел оставаться один на этом пустом корабле. Желание разыскать капитана обострялось с каждой секундой, и я поспешил вернуться в его каюту. Как и в прошлый раз, она оказалась пуста. Лязг металла заставил меня толкнуть дверь и выбежать на шлюпочную палубу. И тут я увидел его. Он шел ко мне, шатаясь от усталости. Широко раскрытые глаза смотрели с мертвенно-бледного лица, с которого он смыл пот и угольную пыль. Вся его одежда почернела от этой пыли, а за его спиной я увидел совковую лопату, скользящую по накренившейся палубе.

– Где вы были? – воскликнул я. – Я не мог вас найти. Что вы делали все это время?

– Это не твое дело, – пробормотал он заплетающимся от усталости языком.

Пройдя мимо меня, он скрылся за дверью каюты.

Я вошел за ним.

– Что там? – спросил я. – Насколько сильна течь? Волны уже захлестывают нос.

Он кивнул.

– Теперь так будет все время, пока не лопнет крышка люка. После этого от морского дна нас будет отделять только раскрепленная подпорами переборка.

Его монотонный голос был лишен каких-либо интонаций. Либо ему с самого начала было все равно, либо он уже примирился с неизбежным.

– Но если мы запустим насосы... – Я насторожился, заметив, что он меня не слушает, а затем взорвался: – Черт возьми! Именно этим вы и занимались, когда я поднялся на борт, верно?

– Откуда ты знаешь, что я делал? – вдруг гневно воскликнул он, хватая меня за локоть и вонзая в меня свой жесткий неистовый взгляд. – Откуда ты знаешь? – повторил он.

– Из трубы вилаь струйка дыма, – поспешно ответил я. – А кроме того, вся эта угольная пыль, которой вы были покрыты. – Я не понимал, что его так завело. – Это указывало на то, что вы были в кочегарке.

– В кочегарке? – Он медленно кивнул. – Да, конечно.

Он выпустил мою руку, и все его тело обмякло, утратив запал.

– Если насосы удержали ее на плаву в Гибралтарском проливе... – снова начал я.

– Тогда у нас был экипаж, и мы шли на всех парях. – Его плечи уныло ссутулились. – Кроме того, тогда воды в переднем трюме было гораздо меньше.

– В борту пробоина? – спросил я. – Дело в этом?

– Пробоина? – Он уставился на меня. – С чего ты...

Он запустил всю пятерню в волосы, а затем медленно провел ладонью по потному, землистому и очень усталому лицу. Корабль накренился и задрожал под ударом очередной волны. Я увидел, как все его мышцы напряглись, как будто нападению подверглось его собственное тело.

– Долго она не продержится, – прошептал он, говоря о «Мэри Дир», как о женщине.

Меня затошнило, и я ощутил ужасающую пустоту в душе. Он утратил последнюю надежду. Об этом говорили его безвольно опущенные плечи и безразличие в его голосе. Он настолько устал, что ему уже было все равно.

– Вы говорите о крышке люка трюма? – уточнил я. Он кивнул. – А что будет потом? – не унимался я. – Удержится ли судно на плаву с полным трюмом воды?

– Возможно. Пока не лопнет переборка котельного отделения.

Он произнес это спокойно, без малейших эмоций. Этот трюм был затоплен уже давно. Когда мы сквозь туман разглядели теплоход, у него был опущен нос. Кроме того, вчера вечером... Я вспомнил марку осадки на торчащей из воды корме и лопасти винта, срезающих верхушки с волн. Он уже успел привыкнуть к этой мысли.

Но я не собирался сидеть сложа руки в ожидании конца.

– Сколько времени уйдет на то, чтобы раскопчегарить котлы и запустить помпы? – спросил я. Но он меня, похоже, не слушал. Он прислонился к краю стола, и его веки были опущены. Я схватил его за руку и с силой встряхнул, как будто выводя из транса. – Помпы! – заорал я. – Если вы покажете мне, что я должен делать, я их запущу.

Его глаза распахнулись, и он уставился на меня, но не произнес ни слова.

– Вы измочалены, – продолжал я. – Вам необходимо хоть немного поспать. Но вначале вы должны показать мне, как обращаться с топкой.

Казалось, он колебался, но затем устало пожал плечами.

– Ладно, – произнес он, а затем собрался с силами, вышел и по трапу спустился на главную палубу.

Ветер всем весом навалился на корабль, накренив его на правый борт. В таком наклонном положении судно продолжало раскачиваться странными рывками. Время от времени его сильно встряхивало. Волоча ноги, капитан шел по темному коридору. Казалось, что ему стоит большого труда сохранять равновесие, а временами он и вовсе как будто не понимал, где находится.

Мы вошли в двери машинного отделения, прошли по переходному мостику и по железному трапу спустились в черный колодец машинного отделения. Лучи наших фонарей выхватывали из мрака очертания огромных, но неподвижных и безжизненных двигателей. Гулкое металлическое эхо наших шагов по железному настилу заполнило тишину. К нему примешивался шорох воды.

Мы прошли мимо машинного телеграфа и подошли к дверям в кочегарку. Обе двери были распахнуты, и за ними высились массивные и величественные очертания остывших котлов.

Капитан, поколебавшись мгновение, шагнул вперед.

– Вот этот, – произнес он, показывая на крайний левый из трех котлов. Дверь топки обрамляло тусклое красноватое сияние. – Уголь там. – Он качнул лучом фонаря в сторону черной кучи, высыпавшейся из шахты угольной ямы. Он обернулся было к топке, как вдруг застыл, зачарованно глядя на уголь. Он медленно поднял фонарь, поочередно выхватывая из мрака почерневшие от угольной пыли плиты, как будто проводя пальцем по линии угля,

сыплющегося из расположенного на уровне палубы люка. – Мы будем работать по два часа, – быстро произнес он, глядя на часы. – Сейчас почти двенадцать часов. Я сменю тебя в два.

Мне показалось, он торопится уйти.

– Минутку, – остановил его я. – Вы не объяснили мне, как работает топка.

Он раздраженно покосился на котел с температурным датчиком и рычагами, при помощи которых открывалась дверца топки и дымовые заслонки.

– Все очень просто. Ты и сам легко разберешься. – Он уже отвернулся и шагнул прочь. – А я пойду посплю, – пробормотал он, и это было последним, что я от него услышал.

Я открыл рот, чтобы окликнуть его, но решил, что действительно справлюсь сам, а он уже валится с ног, и поэтому его лучше не задерживать. Он прошел мимо двери кочегарки, и на мгновение я отчетливо увидел очертания его тела в свете его собственного фонаря. Я прислушался к звуку его шагов, гулко стучащих по металлическим ступеням трапа. Слабый отсвет его фонаря еще несколько мгновений окрашивал черный дверной проем котельной. Затем все стихло, и я остался один, внезапно осознав окружившие меня странные звуки – шепот воды, зловещий гул волн, разбивающихся о корпус судна, шорох сыплющегося сверху угля. Я почувствовал, как на меня надвигается приступ клаустрофобии, вызванной полным одиночеством в этом темном помещении глубоко под водой. За котлами виднелись деревянные распорки, поддерживающие переборку. За этими ржавыми листами железа была вода. Я видел, как она просачивается и стекает по швам.

Я стащил с себя чужой свитер, закатал рукава и подошел к топке. Она была едва теплой. Я мог положить на кожу ладонь. Разыскав нужный рычаг, я распахнул дверцу. Внутри была куча пепла, отсвечивающего красноватым сиянием. Я не увидел ни языков пламени, ни вообще каких-либо признаков того, чтобы за последние несколько часов кто-нибудь подбрасывал сюда уголь. Я поднял валяющуюся на полу лопату и потыкал ею в переливающуюся красными отсветами массу. Пепел – и ничего более.

Я осмотрел две другие топки, но их вытяжки были открыты настежь, весь уголь прогорел, а котлы остыли. Жизнь едва теплилась лишь в одной из трех топок, и это объяснялось тем, что ее дымовые заслонки были плотно закрыты. И тут я вспомнил шаркающие шаги, которые слышал, впервые стоя на мостике и вызывая к бездне под ногами. Он прошел мимо машинного отделения. Он не был внизу ни тогда, ни раньше, ни позже. И все же он был измазан угольной пылью. Я стоял, опершись на лопату и глубоко задумавшись над происходящим. Наконец грохот волн о борт напомнил мне о том, что есть другие, более важные и срочные дела, и я начал забрасывать уголь в топку.

Я бросал его, пока в печи не образовалась большая черная куча, а потом закрыл дверцу и открыл заслонки. Через несколько минут в топке ревели пламя, края дверцы засветились багровым заревом. Кочегарку озарил теплый свет, и из окружающего меня мрака проступили контуры котлов. Я снова открыл дверцу и принялся подбрасывать уголь. Огненные блики окрасили лопату и черный уголь в алый цвет. Вскоре я взмок и разделся до пояса. Мои руки и грудь блестели от пота, несмотря на угольную пыль, толстым слоем покрывшую все мое тело.

Я не знаю, сколько прошло времени. Мне казалось, что я нахожусь в этой адской котельной уже много часов. Я бросал уголь и обливался потом, а топка редела и раскалялась все сильнее, и все же прошло немало времени, прежде чем я заметил какие-то изменения на датчике давления. Но затем стрелка начала медленно, но неуклонно подниматься. Я стоял, опершись на лопату и наблюдая за стрелкой, когда сквозь рев топки я слышал лязг металла и обернулся.

Его силуэт выделялся на фоне прямоугольного проема двери. Несколько секунд он не двигался, а затем подошел ко мне, покачиваясь, как пьяный, в такт качке судна. Но я понял, что дело не в качке, а в его крайней усталости. Я, как зачарованный, смотрел на приближа-

ющегося ко мне человека. Дверца топки была открыта, и в ее зареве я видел осунувшееся и покрытое потом лицо и запавшие глаза.

Он остановился, заметив мой пристальный взгляд.

– В чем дело? – спросил он. В его голосе слышалось волнение, а глаза, в которых отражалось пламя топки, светились безумным блеском. – На что ты смотришь?

– На вас, – ответил я. – Где вы были?

Он не ответил.

– Вы ведь не спали, – произнес я, хватая его за руку. – Где вы были? – закричал я.

Он вырвал свою руку и смерил меня неистовым взглядом.

– Это не твое дело! – Он потянулся к лопате. – Дай мне эту штуку. – Он выхватил у меня лопату и начал бросать уголь в открытую топку. Но он был так измучен, что шатался, будучи не в силах противопоставить что-то качке корабля. Его движения становились все медленнее и медленнее. – Нечего меня разглядывать, – заорал он. – Иди спать.

– Вам сон нужнее, – ответил я.

– Я сказал тебе, что мы будем меняться через каждые два часа, – внезапно потухшим голосом произнес он. Я понял, что спорить с ним бесполезно. Вдруг из желоба посыпался уголь, завалив его обутые в резиновые сапоги ступни. Он с каким-то безумным восхищением уставился на образовавшуюся кучу. – Убирайся отсюда, – произнес он. И тут же сорвался на крик: – Убирайся! Ты меня слышишь? – Он оперся на лопату, по-прежнему не сводя глаз с сыплющегося из желоба угля. Все его тело обмякло, и он провел рукавом по потному лицу. – Заклинаю тебя всем святым, пойдешь поспи. Оставь меня здесь. – Эти последние слова были произнесены почти шепотом. А затем он добавил, как будто это имело отношение к этому странному разговору: – Там уже настоящий шторм.

Я колебался, но в этом зловещем освещении он казался мне почти безумцем. Подняв свитер, я направился к двери. Перед тем как выйти, я остановился и оглянулся. Он продолжал смотреть на меня. Его изможденное лицо было ярко освещено пламенем топки, а тело отбрасывало огромную тень на угольный желоб за его спиной.

Взбираясь по трапу, ведущему к выходу из машинного отделения, я слышал скрежет лопаты, а от самой двери еще раз взглянул на капитана. Он трудился над углем, загружая его в топку с таким ожесточением, как будто это был его враг, которого надлежало уничтожить, на что он и бросил последние запасы своей энергии.

По мере того как я поднимался вверх, звуки бури менялись. Тяжелые звучные удары волн о борт теперь заглушал пронзительный вой ветра и шипение рвущейся ткани моря. Я шагнул в коридор, ведущий к моей временной каюте, и ураган обрушил на меня всю свою ледяную мощь. Я умылся и упал на койку.

Я был измучен и закрыл глаза, но сон не шел. В этом человеке было что-то зловещее, как и в его судне. Эти два пожара, полузатопленный трюм, поспешность, с которой отсюда бежала команда...

Должно быть, я задремал, потому что, открыв глаза, я напрягся, обводя взглядом темную незнакомую каюту и пытаюсь понять, где я нахожусь. А потом я подумал о той другой каюте. Как ни странно, но мне почему-то вспомнились два плаща на ее двери, два плаща, которые должны были принадлежать двум разным людям. Я сел, чувствуя себя грязным и потным. Я опустил ноги на пол и сел, уставившись затуманенным взглядом на стол.

Райс! Так звали хозяина каюты. Менее двадцати четырех часов назад он был на борту, в этой самой каюте. Возможно, он сидел за столом. И вот здесь нахожусь я. Я одет в его одежду, я занял его каюту, и судно все еще держится на плаву.

Я собрался с силами и встал, охваченный сочувствием к бедняге. Возможно, он до сих пор сидит в спасательной шлюпке, которую море бросает из стороны в сторону, как скорлупку. Или он благополучно добрался до берега? Что, если он утонул? Я открыл верх-

ний ящик. В нем лежали книги по навигации. Райс был бережливым человеком, который дорожил своей собственностью, потому что его имя было проставлено на форзаце всех без исключения книг.

Джон Райс, – было написано тем же мелким неровным почерком, которым были сделаны почти все записи в судовом журнале на капитанском мостике. Тут были и художественные книги в бумажных переплетах, по большей части детективы, тетради, заполненные тригонометрическими расчетами, логарифмическая линейка, несколько разрозненных листов миллиметровки.

Именно под миллиметровкой я нашел новехонький несессер для письменных принадлежностей с открыткой внутри. *«Моему дорогому Джону. Пиши мне чаще, милый. С любовью, Мэгги»*, – гласила открытка. Жена или любимая девушка? Я этого не знал, но прямо на меня смотрело последнее письмо, которое он ей написал. *«Моя дорогая Мэгги, – начиналось письмо, но мое внимание тут же привлекло начало второго параграфа: – Теперь, когда самое худшее осталось позади, я могу сказать тебе, дорогая, что это плавание было ошибкой. С самого начала все пошло наперекосяк. Капитан умер, и мы похоронили его в Средиземном море»*.

Далее говорилось, что, едва выйдя в Атлантический океан, они попали в шторм. Шестнадцатого марта они легли в дрейф – *это был настоящий ураган* – насосы не справлялись с откачкой воды. Первый и второй трюмы затопило, а пока они пытались укрепить переборку в кочегарке, в радиорубке начался пожар. Среди экипажа началась паника, *потому что этот ублюдок Хиггинс заявил, что, вопреки тому, что записано в декларации, часть груза составляет взрывчатка*. В ту же ночь упал за борт и утонул некий мистер Деллимар, которого Райс называл судовладельцем.

О Пэтче он писал, что тот поднялся на борт в Адене, в качестве первого помощника, *чтобы заменить заболевшего старину Адамса. Я благодарю Бога за этого человека*, – продолжал Райс. – *Если бы не он, я вряд ли сейчас писал бы тебе письмо. Он отличный моряк, что бы там ни болтали насчет того, что несколько лет назад по его вине «Белль-Айл» налетел на скалы. И вот наконец последний параграф. – Теперь первым помощником стал Хиггинс, и должен тебе признаться, Мэгги, мне это не по душе. Я уже писал тебе о том, как он третировал меня с тех пор, как мы вышли из Йокогамы. Но дело не только в этом. Он слишком дружен с некоторыми членами экипажа, причем все его дружески отпетые мерзавцы. И, наконец, наше судно. Иногда мне кажется, что оно знает, что обречено на слом. Когда речь идет о сломе, некоторые суда...*

На этом месте письмо резко обрывалось. Что произошло?

Раздался ли крик «Пожар!»? В моем мозгу теснились вопросы, вопросы, ответить на которые мог только Пэтч. Я сунул письмо в карман и бросился бежать в кочегарку.

Я успел добежать до машинного отделения, но остановился, чтобы немного подумать о человеке, которого собирался забросать вопросами. Он был один на этом судне. Все, кроме него, сбежали. Таггарт умер, как и владелец судна. По моей спине пополз холодок ужаса. На нижнем мостике я остановился и прислушался, напрягая слух и зрение. Меня окружали звуки, издаваемые кораблем, сражающимся со стихией, многократно усиленные мрачным и гулким помещением, в котором я находился. Но того звука, который я рассчитывал услышать, звука лопаты, соскребающей уголь с железного пола, среди этих шумов не было.

Я начал спускаться очень медленно, осторожно переступая со ступеньки на ступеньку, надеясь все же услышать скрежет лопаты. Но его не было, и когда я подошел к двери в кочегарку, я увидел, что лопата валяется на куче угля.

Я позвал Пэтча, но в ответ услышал лишь эхо собственного голоса, едва различимое на фоне рева моря, избивающего корпус судна. Распахивая дверцу топки, я успел усомниться в том, что этот человек вообще существует, а не является плодом моего воображения. Все,

что я увидел, это кучку раскаленного добела пепла. Похоже, с тех пор как я ушел, уголь сюда не подбрасывали.

Схватив лопату, начал лихорадочно бросать уголь в попытке заглушить страхи физическими усилиями. Шорох сыплющегося из желоба угля и рев топки принесли мне некоторое утешение.

Но окончательно избавиться от страха мне не удавалось. Он засел глубоко внутри меня. Я бросил лопату, захлопнул дверцу топки и помчался наверх. Я должен был его найти. Мне было необходимо убедиться в его существовании.

Не забывайте, что я адски устал.

На мостике его не было. Но на карте виднелись карандашные пометки – наше новое положение. Кроме того, меня немного успокоил вид моря. По крайней мере, оно было настоящим. Бог ты мой! Настоящие волны! Я вцепился в подоконник под остеклением рулевой рубки и, как зачарованный, наблюдал за вздымающейся за левым бортом волной. Она ударила в корпус корабля и рассыпалась, выбросив в воздух огромный столб пены, в следующее мгновение рухнувшей на палубу и скрывшей из виду все, что на ней находилось. Зеленое море металось на носу корабля. Когда из-под пены снова показались очертания фальшборта и судно попыталось выпрямиться, избавляясь от струящегося во все стороны многотонного груза морской воды, я увидел, что люк переднего трюма представляет собой черное прямоугольное отверстие, зияющее посреди палубы.

Разбросанных досок рядом с ним уже не было, равно как и остатков крышки люка. Судя по всему, все это исчезло уже давно. Я смотрел, как судно качается на волнах, выплескивая из люка воду. Но разгневанное море спешило немедленно восполнить эти потери, снова и снова захлестывая палубу волнами. Нос уже практически ушел под воду. Корабль под моими ногами стал тяжелым и неуклюжим. Я чувствовал, что держаться на плаву ему осталось совсем недолго.

Я оглядел мостик, показавшийся мне особенно пустынным, и меня охватила уверенность в том, что пройдет совсем немного времени, и корабль пойдет ко дну. Штурвал вращался в разные стороны, описывая бесцельные и бессмысленные круги. Поблескивал медью нактоуз. Стрелка телеграфа по-прежнему указывала на «Полный вперед». Эта пустота давила и угнетала. Я развернулся и направился вниз, в каюту капитана. Он сидел в расслабленной позе, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза. На столе у его локтя стояла полупустая бутылка рома. Стакан лежал на полу, и выплеснувшаяся жидкость коричневым пятном впиталась в ковер. Сон разгладил морщины на его лице и смягчил его выражение. Сейчас он казался намного моложе, но по-прежнему выглядел очень измученным, и его правая рука, лежащая на темном подлокотнике кожаного кресла, нервно подергивалась. Два странных синих плаща по-прежнему висели на двери каюты. Из серебряной рамочки мне по-прежнему радостно улыбалась незнакомая девушка.

Огромная волна ударилась о борт, залив иллюминаторы и заслонив от нас дневной свет. Его веки распахнулись.

– Что случилось?

К нему мгновенно вернулась вся его бдительность и осторожность, хотя покрасневшее от выпитого им алкоголя лицо все еще было сонным.

– Люк переднего трюма исчез, – произнес я, испытывая странное облегчение.

Он был настоящим, и вся ответственность лежала на нем, а не на мне. А самое главное, я был не один.

– Я знаю, – ответил он. Он выпрямился в кресле, проводя рукой по лицу и запуская пальцы в свою черную шевелюру. – Что я должен сделать? Отправиться на палубу и соорудить новый люк? – Его язык слегка заплетался. – Один раз мы это уже сделали. – Он поднялся из кресла и, подойдя к иллюминатору, остановился, глядя на море. Он стоял спиной ко мне,

слегка ссутулив плечи и засунув руки в карманы. – С тех пор как мы прошли Гибралтар, море постоянно штормило, а в трюмы набиралась вода. – Холодный дневной свет сочился сквозь стекло иллюминатора, безжалостно подчеркивая его осунувшиеся черты. – А потом поднялся такой ураган! Бог ты мой! Вот это была ночь!

Он продолжал невидящим взглядом смотреть в иллюминатор.

– Вам лучше еще немного поспать, – произнес я.

– Поспать? – Он накрыл ладонью глаза, потер их, после чего снова вонзил пятерню в волосы. – Может, ты и прав. – Он наморщил лоб и улыбнулся, отчего его лицо стало каким-то удивленным. – Знаешь, я не помню, когда я последний раз спал. – Но он тут же добавил: – Я что-то хотел... – Он сосредоточенно хмурился. – Боже мой! Я не могу вспомнить. Я хотел что-то проверить. – Он перевел взгляд на карту и книги, которые лежали на полу возле кресла. Это была карта номер 2100, крупномасштабная карта рифов Минкерс. Но в следующую секунду он снова поднял глаза на меня. – Кто ты, собственно, такой? – каким-то странным голосом поинтересовался он.

Он был слегка пьян.

– Я вам это уже говорил, – отозвался я. – Меня зовут...

– К черту, как тебя зовут, – раздраженно воскликнул он. – Как ты здесь оказался со своей яхтой? Что заставило тебя подняться на пароход? – Прежде чем я успел что-либо ответить, он добавил: – Ты имеешь какое-то отношение к компании?

– К какой компании?

– Судоходной и торговой компании «Деллимар». К людям, которым принадлежит «Мэри Дир». – Он поколебался. – Ты ожидал нас, чтобы проверить... – Но он тут же покачал головой. – Нет, этого не может быть. Мы отстали от графика.

– До вчерашнего вечера я вообще не знал о существовании «Мэри Дир», – сообщил ему я, после чего поведал о том, как пароход нас чуть было не потопил. – Что тут произошло? – спросил я. – Как так случилось, что экипаж оставил судно с работающими двигателями и вами на борту в придачу? Это все из-за пожара?

Он смотрел на меня, слегка покачиваясь на нетвердых ногах. А затем он произнес:

– «Мэри Дир» вообще не должна была дойти до Ла-Манша. – На его губах появилось подобие улыбки, но, когда я поинтересовался, что он имеет в виду, он пожал плечами и снова отвернулся к иллюминатору, глядя на море. – Я подумал, что мы спасены, когда мне удалось обогнуть Уэссан, – прошептал он. – Пропади оно все пропадом! За одно-единственное плавание на нас обрушились все мыслимые и немыслимые несчастья. А потом еще этот пожар. – Тут он снова обернулся ко мне. Ему как будто захотелось говорить. – Этот пожар меня доконал. Он начался около половины десятого вчера вечером. Мне сообщил об этом Райс. Он вбежал и сказал, что третий трюм пылает и экипаж в панике. Я распорядился вытащить шланги и приоткрыть четвертый трюм, чтобы подавать воду на переборку. Потом я спустился в смотровой люк, чтобы выяснить, что там с четвертым трюмом. Тут-то они меня и достали.

Он показал на рану у себя на подбородке.

– Вы хотите сказать, что вас кто-то ударил? Кто-то из членов экипажа? – не веря собственным ушам, спросил я.

Он кивнул, улыбаясь. Это была недобрая улыбка.

– Я потерял сознание, после чего они бросили на меня крышку смотрового люка и загнали запаниковавший экипаж в шлюпки.

– А вас оставили на корабле?

– Да, единственное, что меня спасло – это то, что они забыли о том, что мы разобрали часть крышки основного люка. Я нагромоздил тюки хлопка друг на друга...

– Но ведь это мятеж... убийство. Вы хотите сказать, что Хиггинс...

Он качнулся ко мне с искаженным от бешенства лицом.

– Хиггинс! Откуда вы знаете, что это был Хиггинс?

Я начал объяснять что-то насчет письма, которое писал Райс, но он меня перебил:

– Что еще он написал? Там есть что-нибудь о Делли-маре?

– О владельце? Нет. Только то, что он упал за борт. Насколько я понял, капитан тоже умер, – немного помолчав, добавил я.

– Да, будь он проклят! – Он отвернулся и зацепился ногой за перевернутый стакан. Он поднял его и налил себе рома. Его руки едва заметно подрагивали. – Выпьешь? – Не дожидаясь ответа, он выдвинул ящик стола, извлек второй стакан и наполнил его почти до краев. – Я похоронил его в море в первый вторник марта, – произнес он, подавая мне стакан. – И должен сказать, что я был счастлив от него отделаться. – Он медленно покачал головой. – Во всяком случае, в тот момент я был этому рад.

– От чего он умер? – спросил я.

– От чего он умер? – Он быстро взглянул на меня из-под темных бровей. Похоже, его снова одолели подозрения. – Кому какое дело до того, от чего он умер? – неожиданно грубо ответил он. – Он умер и оставил меня один на один со всей этой... – Он сделал неопределенный жест рукой, в которой продолжал сжимать стакан. Вдруг он как будто снова меня заметил, потому что резко сменил тему, поинтересовавшись: – Но какого черта ты вчера вечером делал посреди Ла-Манша на этой своей яхте?

Я начал рассказывать ему о том, как мы купили «Морскую Ведьму» в Морле и шли на ней в Англию, где намеревались сделать из нее водолазный бот, но он меня, похоже, не слушал. Его мысли блуждали где-то очень далеко, и внезапно он произнес:

– А я-то еще думал, как порядочно поступил этот старый ублюдок, померев и освободив место для кого-то помоложе. – Он расхохотался, как будто это была смешная шутка. – А теперь уже все равно. Переборка долго не протянет. – Он посмотрел на меня и добавил: – Знаешь, сколько лет этой посудине? Больше сорока! В «Мэри Дир» три раза попадала торпеда, она дважды терпела крушение, а потом двадцать лет гнила в дальневосточных портах. Господи! Возможно, она ожидала меня.

Он снова улыбнулся, растянув губы в хищном оскале, обнажившем его зубы.

Волна врезалась в борт, и сила этого удара как будто вернула его в настоящее.

– Ты знаешь, что такое рифы Минкерс? – Он пересек каюту и вернулся с какой-то книгой, которую бросил мне. – Триста восьмая страница. Если тебе хочется прочесть подробное описание кладбища, на котором ты будешь погребен.

Я держал в руках вторую часть «Лоции пролива Ла-Манш».

Я нашел нужную страницу и прочел: *Рифы Минкерс. – Фарватер огражден бакенами. – Необходима осторожность. – Рифы Минкерс представляют собой обширную группу подводных и выступающих над водой скал и рифов, а также многочисленных песчаных и галечных отмелей... Самая высокая скала – Метресс-Иль – достигает тридцати одного фута в высоту. Она расположена в середине группы, и на ней стоит несколько домов...* Далее рассказывалось о том, что рифы занимают площадь длиной около семнадцати с половиной миль и шириной в восемь миль. Параграф за параграфом подробно описывали расположение основных рифов и бакенных ограждений.

– Должен тебя предупредить, что так называемые дома на Метресс-Иль – это не более чем заброшенные каменные лачуги.

Он разложил карту на столе и склонился над ней, обхватив руками голову.

– Как насчет прилива? – спросил я.

– Прилива? – взволнованно встрепенулся он. – Прилив, конечно, играет важную роль. – Он повернулся и уставился на пол, слегка покачиваясь и балансируя в такт корабельной

качке. – А впрочем, это уже не имеет значения. – Он опрокинул в себя остатки рома и налил себе еще. – Угощайся. – Он подвинул ко мне бутылку.

Я покачал головой. Напиток не смог справиться с леденящей пустотой у меня в душе. Скользнувшая в горло согревающая струйка, не более того. Мне было холодно от усталости и осознания неизбежного конца. Но во мне все равно теплилась надежда на то, что мы что-то можем предпринять. Если бы он не был так измотан, если бы он поел и поспал...

– Когда вы в последний раз принимали пищу? – спросил я.

– О, я съел немного мясных консервов. Думаю, это было сегодня утром. А ты, наверное, голоден? – внезапно встревоженно поинтересовался он, совершенно застав меня врасплох подобной заботой.

Казалось нелепым признаваться в чувстве голода, в то время как корабль мог в любую секунду пойти ко дну. Но одной мысли о еде оказалось достаточно.

– Да, очень, – кивнул я.

Как бы то ни было, но это могло отвлечь его от бутылки и заставить отправить в свой желудок что-то помимо алкоголя.

– Ну хорошо. Пойдем поедим.

Мы спустились в буфет. Пэтч осторожно нес стакан, балансируя на уходящих из-под ног трапах и палубе. Мы нашли банку ветчины, хлеб, масло, пикули.

– Как насчет кофе?

Не дожидаясь ответа, он разжег примус и поставил на него чайник. Мы жадно поели при свете единственной оплывающей свечи. Мы не разговаривали, а молча набивали едой свои пустые желудки. Здесь, внизу, шторм был едва слышен, заглушаемый гулом примуса.

Удивительно, как быстро еда превращается в энергию и возвращает человеку неукротимую жажду жизни.

– Каковы наши шансы? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Все зависит от ветра, моря и переборки. Если переборка выдержит, ночью нас вынесет на Минкерс.

Чайник закипел, и он принялся заваривать кофе. Теперь, когда примус потух, буфет заполнился шумом бури и трещащего по всем швам судна.

– Если предположить, что получится запустить помпы, удастся ли нам откачать воду из переднего трюма? Когда я был внизу, давление в котле было довольно высоким, а я, перед тем как уйти, подбросил туда еще угля.

– Ты и сам отлично понимаешь, что мы ничего не сможем откачать, пока на трюме нет люка.

– Сможем, если развернем корабль кормой к ветру. Если запустить машину...

– Послушай, – вздохнул он. – Эта старая посуда уже протекает по всем швам. Если даже мы запустим двигатели, они будут откачивать ту воду, которая просачивается сквозь швы. Первый трюм это не спасет. Да и вообще, как ты думаешь, сколько необходимо пара, чтобы запустить и машину, и помпы?

– Я не знаю, – ответил я. – А вы знаете?

– Нет. Но я точно знаю, что одного котла для этого недостаточно. Необходимо как минимум два. И если ты думаешь, что нам удастся поддерживать давление в двух котлах... – Он разлил кофе по жестяным кружкам и начал размешивать сахар. – С одним котлом машина будет работать с перебоями. – Он на секунду задумался, а затем покачал головой. – Бесплезно.

Он подал мне одну из кружек. Кофе был обжигающе горячим.

– Почему? – не сдавался я.

– Во-первых, восточный ветер. Если мы поставим судно кормой к ветру, каждый оборот винта будет приближать ее к Минкерс. Кроме того...

Его голос сорвался, и он замолчал, как будто погрузившись в какие-то мрачные мысли и воспоминания. Его черные брови сдвинулись на переносице, а рот превратился в жесткую горестную линию.

– К черту, – пробормотал он и вылил остатки рома в свой кофе. – Я знаю, где на борту хранится спиртное. Мы можем накачаться, и пусть все идет прахом.

Я изумленно уставился на него. Мне показалось, что от внезапной злости все мои внутренности вспыхнули огнем.

– В прошлый раз так все и было? Вы просто сдались? Я угадал?

– В прошлый раз? – Он застыл, как будто парализованный, не донеся кружку до рта. – О чем ты говоришь? Какой прошлый раз?

– «Белль-Айл», – произнес я. – Он затонул, потому что...

Я запнулся. Вспыхнувшая в его глазах ярость заставила меня замолчать.

– Значит, ты знаешь о «Белль-Айле». Что еще тебе обо мне известно? – пронзительно и злобно выкрикнул он. – Ты знаешь, что я почти целый год провел на берегу? Целый год в Адене, черт возьми! И это... Первое судно за год должно было оказаться «Мэри Дир», плавающей грудой металлолома с пьяным капитаном, который взял и умер, бросив все на меня, и владельцем... – Он снова запустил пальцы себе в волосы, глядя сквозь меня, куда-то в прошлое. – Судьба способна на всякие подлости. Стоит ей запустить в тебя свои цепкие когти, и вырваться очень нелегко. – Он помолчал и почти шепотом добавил: – Если бы мне удалось удержать эту старую посудину на плаву... – Он покачал головой. – Кто бы мог подумать, что человек может попасть в такую переделку два раза подряд. Дважды! – еле слышно повторил он. – Я был слишком юн и зелен, когда принял на себя командование «Белль-Айлом». Но на этот раз я сразу учуял, что они затеяли. Не на того напали. – Он горько усмехнулся. – Что толку от моей порядочности. Мне удалось провести «Мэри Дир» через Гибралтар. Одному Богу ведомо, как мне это удалось, но я это сделал. Обогнув Уэссан, я взял курс на Саутгемптон. – Он снова сфокусировал взгляд на мне и произнес: – Но теперь мне уже все равно. Всему есть свой предел. Этот шторм меня доконал. Я умею признавать поражение.

Я молчал, потому что мне нечего было ему ответить. Он должен был до всего дойти сам. Я знал, что не смогу ни к чему его принудить. Я просто сидел и ждал, и молчание между нами становилось все тяжелее и напряженнее. Он допил кофе, поставил кружку на стол и вытер губы тыльной стороной ладони. Молчание, заполненное звуками предсмертной агонии старого корабля, становилось невыносимым.

– Пойдем выпьем, – неестественно напряженным голосом предложил он.

Я не шелохнулся и не произнес ни слова.

– Тебе трудно с этим смириться, но тебя ведь никто не заставлял подниматься на борт, верно? – Он возмущенно смотрел на меня. – Что, по-твоему, я могу сделать?

– Я не знаю, – ответил я. – Капитан здесь вы. Это ваша обязанность принимать решения.

– Капитан! – Он невесело засмеялся. – Повелитель «Мэри Дир»! – Он произнес это с издевкой. – Что ж, по крайней мере, на этот раз я пойду на дно вместе с судном. Поговаривали, что оно проклято. – Казалось, что он разговаривает сам с собой. – Они были убеждены, что она не дойдет до порта назначения. Но мы все прокляты, когда нам трудно, а жизнь этого корабля была долгой и нелегкой. В свое время он, наверное, был первоклассным грузовым лайнером, но сейчас он превратился в старое ржавое корыто, совершающее свой последний рейс. Мы должны были доставить груз в Антверпен, а потом пересечь Северное море и прибыть в Ньюкасл на слом. – Он замолчал и склонил голову набок, прислушиваясь к шуму волн, треплющих его судно. – Как это было бы здорово – войти в Саутгемптон

без экипажа, на корабле, до половины заполненном водой. – Он расхохотался. Его устами говорил алкоголь, и он это знал. – Давай подумаем, – продолжал он, по-прежнему обращаясь к себе. – Через несколько часов нас встретит отлив. Ветер против волны. И все же, если нам удастся удержать корабль кормой к ветру, мы сможем продержаться на плаву немного дольше. В принципе, всякое может случиться. Ветер может изменить направление, шторм может стихнуть. – Но он произнес это без всякой убежденности. Он посмотрел на часы. – Не пройдет и двенадцати часов, как течение бросит нас на скалы. К этому времени еще не рассветет. Если видимость будет хорошей, мы сумеем рассмотреть бакены. По крайней мере, мы будем знать... – Он резко замолчал. – Бакены! Вот о чем я думал перед тем, как заснуть. Я смотрел на карту... – Его голос оживился, а в глазах вспыхнуло воодушевление. Затем он изо всех сил ударил себя кулаком по ладони другой руки и вскочил на ноги. – Вот оно! Если нам удастся встретиться с приливом в нужном...

Он бросился к выходу, едва не сбив меня с ног, и я услышал, как он, прыгая через две ступеньки, с грохотом поднимается по трапу, ведущему на капитанский мостик.

Я пошел за ним и нашел его в штурманской рубке, где он склонился над массивным томом таблиц приливов и отливов. Он поднял на меня глаза, и я впервые увидел в нем капитана. На его лице не осталось и следа усталости, пары алкоголя тоже куда-то улетучились.

– У нас есть маленький шанс, – произнес он. – Если нам удастся удержать судно на плаву, мы можем спастись.

Это означает, что нам предстоит потрудиться в кочегарке, потрудиться так, как мы не трудились никогда в жизни. Мы будем работать по очереди – в кочегарке и в рулевой рубке. – Он схватил меня за руку выше локтя. – Пошли! Посмотрим, хватит ли нам пара, чтобы запустить машину. – Очередная волна ударила в борт корабля. Стена воды обрушилась на палубу, захлестнув и рулевую рубку с ее сломанной дверью, выходящей на левый борт. Я едва успел заметить зеленые волны, бурлящие на полузатонувшем носу. Но мы уже мчались вниз по трапу, спускаясь в чрево судна.

– Клянусь Богом, парень, может, я им еще покажу! – закричал он.

На мгновение он обернулся ко мне, и его лицо, попавшее в луч моего фонаря, светилось почти безумным ликованием.

Глава третья

Теплый мрак машинного отделения был наполнен запахом горячего машинного масла и шипением пара. Мертвым это место уже не казалось. В спешке я раньше времени выпустил поручень, и от подножия трапа меня швырнуло через всю палубу. Остановили мой полет лишь стальные перила. Тяжело дыша, я посветил фонарем на судовые машины и увидел, что они медленно оживают, приходя в движение и постепенно наращивая ритм и силу. Послышался тихий гул, лампы освещения замерцали. Гул становился все громче, свет все ярче, и внезапно лампы вспыхнули на полную мощность, осветив пещеру машинного отделения и сверкающие сталью и медью машины, которые уже заполнили все окружающее пространство громким гулом.

Пэтч стоял на посту управления судового инженера-механика.

– Машины! – закричал я. – Машины работают!

Я был вне себя от радости. В эту минуту мне казалось, что мы можем запросто дойти до порта.

Но он уже перекрыл доступ пара к машинам, и ритмичный стук двигателей начал замедляться. Протяжно зашипев, они затихли.

– Не стой без дела, – крикнул он мне. – Начиная загружать топку. Нам нужно как можно больше пара.

Он впервые был похож на человека, у которого все под контролем.

Но оказалось, что бросать уголь стало не только гораздо труднее, но еще и опаснее. Корабль совершенно непредсказуемым образом болтало. В одну секунду я работал лопатой, с трудом преодолевая силу земного притяжения, а в следующее мгновение меня швыряло прямо на пылающую пасть топки, и покидающий лопату уголь, казалось, ничего не весил.

Я не знаю, как долго я делал это один, прежде чем он присоединился ко мне. Мне показалось, что прошло очень много времени. Я не видел, как он вошел. Все мое внимание было сосредоточено на угле и настежь распахнутой дверце топки. Одновременно я пытался предугадать следующее движение судна и не позволить ему отправить меня в пылающий в топке огонь. Я почувствовал его руку на своем локте и, подняв голову, увидел, что он стоит передо мной. Я выпрямился и посмотрел на него, тяжело дыша и утирая заливающий глаза пот.

– Я запустил помпы, – произнес он.

Я еще не отдышался и только кивнул, будучи не в состоянии вымолвить хоть слово.

– Я только что был на мостике, – продолжал он. – Нос то и дело полностью уходит под воду. Переборка может не выдержать. Как ты думаешь, ты услышишь отсюда машинный телеграф?

– Не знаю, – пробормотал я. – Думаю, что да.

Он провел меня в машинное отделение и показал панель управления двигателями и переговорную трубу, соединенную с мостиком.

– Сейчас я вернусь на мостик, – продолжал он, – а ты вернешься в кочегарку и продолжишь загружать топку. Я подам тебе сигнал по машинному телеграфу. Если ты ничего не услышишь в течение двух минут, подойди к переговорной трубе. Понял?

Я кивнул, и он начал взбираться наверх, а я вернулся в кочегарку. Даже за столь короткое время мои руки и плечи успели одеревенеть. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы снова заняться топкой. Меня одолевала сильная усталость, и я уже спрашивал себя, надолго ли нас хватит. Сквозь рев топки и гул машинного отделения до меня донесся резкий звук машинного телеграфа. Я захлопнул дверцу топки и прошел на пост управления. Стрелка показывала «Полный вперед». Я повернул маховик, полностью открыв паровые клапаны, впервые в жизни осознав, какую гордость и волнение ощущает старший механик,

когда поршни приходят в движение, а машины начинают ритмично и мощно пульсировать. От этого простого движения как будто ожило сердце парохода, и я радостно думал о том, что это я вернул его к жизни.

Когда я вернулся в кочегарку, уголь показался мне на удивление легким. Я почти не замечал боли в руках. Ко мне вернулись уверенность в собственных силах и желание бороться. Внезапно я ощутил, что меня переполняет энергия.

Оказалось, что двигатели необходимо запускать через каждые десять минут. Около трех минут ушло на то, чтобы развернуть пароход кормой к ветру. Следствием этих трех минут стало стремительное падение давления пара в котлах. Мне пришлось лихорадочно работать лопатой, чтобы успеть поднять это давление до следующей команды с мостика. В пятнадцать тридцать он позвал меня наверх и поставил к штурвалу.

– Следи за брызгами воды, – сказал он. – Они подскажут тебе направление ветра. Держи ее строго по ветру. Если ты отклонишься хоть немного, корму тут же развернет. И положи руль на борт, как только скомандуешь мне запустить двигатели. Учти, что судно будет продолжать двигаться не меньше пяти минут после того, как двигатели заглушат.

С этими словами он ушел, и я остался на мостике один.

Было неописуемо приятно просто стоять, держась за штурвал. Но если рев топки и периодический гул двигателей создавали в кочегарке атмосферу обыденности, то теперь я оказался лицом к лицу с реальной опасностью. В тусклом свете клонящегося к концу мартовского дня я увидел: нос так сильно просел, что едва виднелся над водой, несмотря на то что ветер дул нам строго в корму. А как только судно развернуло и нам снова пришлось прибегнуть к помощи двигателей, вся палуба перед капитанским мостиком покрылась бурлящими волнами. Пот остывал на моем теле, превращаясь в ледяную липкую пленку, покрывшую всю кожу, и я очень скоро продрог. Я нашел в штурманской рубке пальто с капюшоном, которое спасло меня от холода. На карте было отмечено наше новое положение. Мы находились на полпути между скалами Рош-Дувр и рифами Минкерс, в угрожающей близости от подводных скал.

В шестнадцать тридцать он меня сменил. Несколько секунд он стоял, вглядываясь в штормовое море, которое быстро окутывали сумерки. Его лицо и шея блестели от пота, а глаза глубоко запали. Все кости его лица, казалось, выпирали из-под кожи острыми и жесткими углами.

– Зайди на минуту в штурманскую рубку, – произнес он, беря меня за локоть, – либо из потребности физического контакта с другим живым существом, либо пытаясь сохранить равновесие на уходящем из-под ног мостике. – Ветер сменил направление и теперь дует с запада, – начал он, указывая на наше положение на карте. – Скорее всего, он вскоре сменится на юго-восточный. Мы должны быть очень осторожны, чтобы не оказаться в самом центре Минкерс. Что нам необходимо сделать, это попытаться взять южнее. Всякий раз, запуская двигатели, нам необходимо выжимать из них все, что только возможно.

Я кивнул.

– Куда вы направляетесь – на Сен-Мало?

Он посмотрел на меня.

– Я никуда не направляюсь. Я просто пытаюсь удержать пароход на плаву. – Он поколебался и добавил: – Через четыре часа прилив повернет навстречу нам и ветру, и тогда начнется свистопляска, которая продлится всю ночь.

Я посмотрел в окно штурманской рубки, и у меня оборвалось сердце. Я и представить себе не мог что-то худшее, чем то, что окружало нас сейчас. Я смотрел, как он производит расчеты и ставит на карте еще один крестик в пяти милях к западу и немного южнее предыдущей отметки.

– Мы не могли пройти столько за один час, – запротестовал я.

Он бросил карандаш на стол.

– Если не веришь мне, посчитай сам. Скорость течения порядка трех узлов, плюс две мили на ветер и двигатели.

Я уставился на карту. Минкерс были уже совсем близко.

– Что произойдет за следующие два часа? – спросил я.

– За следующие два часа течение заметно ослабеет. Но по моим расчетам к тому времени мы окажемся в миле или около того от юго-западного бакена. Там мы и проведем первую половину ночи. А когда прилив сменится отливом... – Он пожал плечами и вернулся в рулевую рубку. Все зависит от того, удастся ли нам вообще продвинуться к югу.

С этим жизнерадостным напутствием я снова спустился вниз, вернувшись к изнурительной работе и палящему зною кочегарки. Час в кочегарке, час на мостике. Снова и снова. Одурев от усталости, мы делали это совершенно автоматически, интуитивно подстраиваясь под размашистое раскачивание мостика, а затем приспособливаясь к более резкой, менее предсказуемой и гораздо более опасной качке в кочегарке.

Я помню, что, когда окончательно стемнело, я стоял у штурвала. Ночь подкралась незаметно. Внезапно я понял, что уже не вижу нос корабля и не понимаю, откуда дует ветер, потому что пену, которую он срывал с гребней волн, я тоже не видел. Вокруг меня был лишь испещренный белыми барашками мрак. Палуба кренилась у меня под ногами и, поскольку со всех сторон нас окружала вздыбившаяся вода, казалось, что мы мчимся по стремнине какой-то гигантской реки, скользя вниз со скоростью, от которой захватывало дух. Дальше мне пришлось управлять судном, сверяясь с компасом и собственными ощущениями, стремясь использовать каждый рывок двигателей для того, чтобы отклониться как можно южнее.

Вскоре после полуночи в бушующей, изорванной ветром темноте за носом корабля на мгновение показался слабый мерцающий огонек. Я молил Бога о том, чтобы мне не показалось. Я ведь очень устал, а почудившийся мне проблеск был смутным и призрачным. Но чуть позже я увидел его снова. В двух румбах по правому борту совершенно определенно что-то светилось. Огонек то появлялся, то снова исчезал, заслоняемый от меня волнами.

К концу моей вахты стало ясно, что это бакен.

– Как мы и ожидали, – заметил Пэтч, сменяя меня у штурвала.

Он произнес это совершенно равнодушно, хотя язык капитана слегка заплетался от усталости. Лицо, на которое падал тусклый свет нактоуза, казалось осунувшимся, и его черты заострились.

После этого огонек был все время с нами. Он становился все ближе и отчетливее, пока не начал тускнеть с первыми серыми проблесками рассвета, когда я в очередной раз встал к штурвалу в пять тридцать утра. К этому времени я уже был полумертв от усталости, мои колени дрожали, и я едва держался на ногах. Ночь в кочегарке показалась мне сущим адом. Я думал, что последний час никогда не закончится. Я загружал топку, а по полу струились ручейки воды, шипевшие и испарявшиеся при соприкосновении с раскаленным основанием топки.

Течение снова изменило направление, и двойной проблеск бакена начал приближаться очень быстро и совсем не с той стороны, с которой мы рассчитывали. Как только окончательно рассвело, я смог его рассмотреть. Это был один из тех огромных столбовидных бакенов, которые так любят французы, и нам предстояло пройти внутри огражденной им территории. Я посмотрел на карту, а затем подошел к переговорной трубе и попросил Пэтча подняться наверх.

Прошло немало времени, прежде чем он появился на мостике, а когда он все же пришел, он двигался медленно, как тяжелобольной человек, только что поднявшийся с постели. Когда ночью мы менялись с ним местами, он представлял собой лишь смутную тень в туск-

лом отраженном свете нактоуза. Увидев его при ярком дневном свете, я был потрясен. Он выглядел просто ужасно.

– Вы едва стоите на ногах, – произнес я.

Он посмотрел на меня, как будто не понял ни слова из того, что я сказал. Наверное, я выглядел не лучше.

– В чем дело? – спросил он.

Я показал на бакен, уже почти в четырех румбах по правому борту.

– Мы проходим внутри и очень далеко от буя, – добавил я. – Еще немного, и мы сядем на скалы Бризан-Дю-Сюд.

Он вошел в штурманскую рубку, и я ожидал, что сейчас он отправит меня вниз запускать двигатели. Его не было очень долго. Я даже окликнул его, опасаясь, что он заснул.

Но он тут же откликнулся и пояснил, что наблюдает за бакеном в окно и пытается что-то придумать. Теперь мы всецело были во власти прилива. Я наблюдал за бакеном, стремительно меняющим свое положение относительно корабля. Он был у нас почти на траверзе, когда Пэтч появился в дверях штурманской рубки.

– Все в порядке, – совершенно спокойно произнес он. – На этой стадии прилива глубины нам хватит.

Ветер зацепил нашу корму, и пароход начало разворачивать. Не более чем в двух кабельтовых от нас вращался водоворот, обозначая подводную скалу. Дальше бушевали мутные волны прибоя. Огромная волна ударила в борт судна и белой пеной прокатилась через носовую часть палубы. Тонны воды обрушились на мостик. Корабль содрогнулся.

– Вы разве не собираетесь запускать двигатели? – не выдержал я.

Он стоял, повернувшись ко мне спиной, глядя в море за правым бортом. Он меня не услышал.

– Бога ради! – закричал я. – Нас несет прямо на Минкерс!

– Все в порядке. В данный момент нам ничего не угрожает, – тихо, как будто пытаюсь меня утешить, отозвался он.

Но я ему не поверил. Как все могло быть в порядке? На сколько хватало глаз, пространство перед нами было усеяно рифами, и белые буруны вращались над многими милями подводных скал. Стоило зацепиться за одну из них...

– Надо что-то делать! – в отчаянии произнес я.

Он не ответил. Он продолжал смотреть в бинокль куда-то за правый борт, широко расставив ноги и балансируя на тошнотворно раскачивающемся мостике.

Я не знал, что делать. Он был спокоен, как будто полностью контролировал ситуацию, но я знал, что физически он давно уже вышел далеко за пределы человеческих возможностей. Вполне возможно, то же самое касалось и его умственного равновесия.

– Нам надо выйти из этих скал, – произнес я. – Как только Минкерс останутся позади, все будет хорошо. – Я выпустил из рук штурвал и подбежал к ведущему вниз трапу. – Я запущу двигатели.

Но когда я с ним поравнялся, он схватил меня за локоть.

– Ты что, ничего не понял? – спросил он. – Мы идем ко дну. – Его лицо окаменело, как и взгляд его темных глаз. – Я не стал говорить тебе раньше, но вода хлещет сквозь переборку. Я увидел это как раз перед тем, как сменить тебя в кочегарке.

Он выпустил мою руку и снова поднял бинокль к глазам, высматривая что-то в сером, наполненном рваными волнами рассвете.

– Сколько... – Я замолчал, не решаясь облечь это в слова. – Сколько пройдет времени, прежде чем корабль пойдет ко дну?

– Я не знаю. Несколько минут, час, может, даже два. – Он опустил бинокль и с довольным видом вздохнул. – Видишь ли, вероятность этого ничтожно мала, но... – Он обер-

нулся и уставился на меня таким оценивающим взглядом, как будто пытался определить, на что я способен. – Мне нужно так поднять давление в котле, чтобы двигатели поработали минут десять или пятнадцать. Ты готов спуститься вниз и продолжить загружать топку? – Он помедлил и добавил: – Я должен тебя предупредить, что у тебя не будет ни малейшего шанса на спасение, если переборке придет конец, когда ты будешь внизу.

Я колебался.

– Долго придется бросать?

– Полагаю, часа полтора. – Он быстро покосился на правый борт, еле заметно кивнул и снова схватил меня за руку. – Пошли, – сказал он. – Первый час я буду тебе помогать.

– А как же корабль? – спросил я. – Если он налетит на один из этих рифов...

– Не налетит, – заверил меня он. – Мы дрейфуем всего в миле внутри бакенов.

Внизу, в кочегарке, опасность странным образом не ощущалась. Тепло, зарево топки и яркое освещение успокаивали своей обыденностью. Теперь, когда я больше не смотрел на бурлящее вокруг рифов море, меня охватило ложное ощущение безопасности. Лишь удары волн, разбивающихся о полый корпус корабля, и блестящие ручейки струящейся сквозь заклепочные отверстия воды напоминали о грозящей нам опасности. Следует также упомянуть накренившуюся вперед палубу и выплескивающуюся из трюма под нами воду – черную от угольной пыли и покрытую разводами машинного масла.

Мы работали как одержимые, стоя плечом к плечу, забрасывая уголь в топку без малейшей оглядки на усталость. Это продолжалось целую вечность, но переборка каким-то чудом устояла. Наконец Пэтч взглянул на часы и отшвырнул лопату.

– Я поднимаюсь на мостик, – заявил он. – Ты остаешься один. Продолжай поддерживать огонь, пока я не просигналю «Полный вперед». Как только запустишь машины, немедленно поднимайся на мостик. Договорились?

Я кивнул, не решаясь ничего произнести. Он уже натягивал одежду. Шатаясь, он дошел до двери машинного отделения и скрылся из виду. Мне показалось, что грохот волн о борт корабля стал еще громче. Я посмотрел на свои наручные часы. Было двадцать минут восьмого. Я вновь взялся за лопату, остро ощущая нависшие надо мной железные листы обшивки корпуса и крен палубы под ногами.

В любую секунду этот уютный освещенный мир мог уйти на дно моря. Вода плескалась в трюмах, заливая пол у меня под ногами.

Половина восьмого! Без четверти восемь! Где же этот сигнал? Я замер, опершись на лопату, в полной уверенности, что палуба накренилась еще сильнее. Я смотрел на протекающую переборку и спрашивал себя, какого черта он там делает на этом мостике. О какой ничтожно малой вероятности он говорил? Мои силы были на исходе, и я был вне себя от страха и долгого ожидания. Внезапно меня охватили сомнения. Что вообще я о нем знаю? Ко мне вернулись мои первоначальные впечатления о нем как о человеке, утратившем внутреннее равновесие под давлением обстоятельств.

И внезапно сквозь рокот волн до меня донесся звон телеграфа. Было почти восемь часов. Я швырнул лопату на пол, захлопнул дверцу топки, сгреб свою одежду в охапку и, спотыкаясь, бросился к двери машинного отделения. Стрелка телеграфа указывала на «Полный вперед». Я полностью открыл паровые клапаны и начал взбираться по трапам. Огромное стальное помещение за моей спиной ожило, загрохотав двигателями.

Он стоял у штурвала, управляя судном, когда я, тяжело дыша, вскарабкался на мостик.

– Мы уже вышли за пределы Минкерс? – прохрипел я.

Он не ответил. Его пальцы крепко сжимали штурвал, и он напряженно всматривался вдаль. Корабль наклонился в продолжительном мучительном крене, и меня бросило в сторону на окна правого борта. Мимо проплывал раскрашенный в красный и белый цвета бакен. Нос судна уже полностью ушел под воду.

– Еще немного, – едва слышно произнес он.

Его глаза смотрели куда-то застывшим остановившимся взглядом из глубины ввалившихся глазниц. И вдруг он перенес вес тела на одну ногу и принялся яростно вращать штурвал. Я не верил своим глазам. Он выполнял левый поворот, разворачивая судно к скалам Минкерс.

– Вы что, с ума сошли? – заорал я. – Поворачивайте направо! Богом вас заклинаю, направо!

Я бросился на штурвал и вцепился в его ручки, пытаюсь повернуть его в обратном направлении.

Он что-то крикнул, но его голос затерялся в грохоте обрушившейся на мостик волны. До Сен-Мало оставалось всего двадцать миль, и стук двигателя сотрясал палубу, через подошвы ног внушая мне надежду. Но мы должны были повернуть вправо – прочь от Минкерс – и взять курс на Сен-Мало.

– Ради всего святого! – снова завопил я.

Его пальцы вцепились мне в волосы, отклоняя мою голову назад.

Он тоже кричал, требуя, чтобы я выпустил штурвал. Мои полужакрытые от боли глаза на мгновение увидели его угрюмое, блестящее от пота и искаженное от неимоверного усилия лицо.

– Это наш единственный шанс.

Я едва расслышал эти слова, почти полностью заглушенные ревом бури. И тут мышцы моей шеи не выдержали, и он отшвырнул меня прочь. Это совпало с резким креном корабля, и я врезался в подоконник с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Справа по борту из моря вздымались рваные волны, а прямо перед нами виднелись завихрения, образованные ветром вокруг небольшой группы скал, едва приподнявших над водой свои острые зубы. Внезапно меня затошнило.

– Встань, пожалуйста, к штурвалу. – Его голос звучал отстраненно и совершенно спокойно. Я смотрел на него, еще не вполне придя в себя и силясь понять, что все это значит. – Скорее, мужик, – заторопил меня он. – К штурвалу, быстро.

Он стоял на своем собственном мостике, отдавал приказания и ожидал их немедленного выполнения. Судя по голосу, он и мысли не допускал о том, что его могут послушаться. Я с трудом поднялся на ноги, и он передал мне управление.

– Курс десять градусов на северо-восток.

Он взял в штурманской рубке ручной компас и направился с ним на правое крыло мостика. Он долго стоял там, совершенно неподвижно, время от времени поднимая компас к глазам и определяя азимут на какой-то объект позади нас.

И все это время я стоял у штурвала, держа курс на десять градусов северо-востока и совершенно не понимая, зачем мы плывем прямо на рифы. У меня кружилась голова, и меня подташнивало. Я был перепуган насмерть и не способен ни на что, кроме тупого повиновения. Я придерживался того курса, который мне сообщил капитан, потому что понимал, что со всех сторон нас окружают скалы и попытка повернуть корабль приведет к неминуемой катастрофе. Все поле моего зрения заполняла бушующая белая пена волн, и среди этого безумного водоворота постепенно вырисовывались скалы. Их было много, и с каждой минутой они были все ближе.

– Теперь строго на север.

Его голос по-прежнему звучал спокойно, хотя перед нами не было ничего, кроме волн, бьющихся о торчащие из моря рифы. Один одинокий скалистый остров был ближе остальных, и, когда я повернул к нему корабль, капитан снова оказался рядом со мной.

– Теперь к штурвалу стану я.

Он произнес это очень мягко, и я передал ему штурвал, не произнося ни слова и не задавая вопросов. На его лице застыло очень странное и замкнутое выражение, как будто он ушел глубоко в себя, оказавшись вне досягаемости любых вопросов или реплик.

А затем мы ударились о скалу. Но этот удар не был ни резким, ни сильным. Раздался скрежет, и судно медленно и плавно затормозило, а я снова пролетел вперед, в очередной раз врезавшись в подоконник. Пароход остановился, и его киль издал звук, который из-за рева шторма я скорее ощутил как вибрацию, чем услышал. На мгновение судно как будто высвободилось и сделало еще один рывок вперед, но тут же ударилось о следующий риф и, вздрогнув, замерло на месте. Двигатели продолжали свою ритмичную работу, как будто сердце корабля отказывалось смириться с его смертью.

Это был жуткий момент. Пэтч продолжал стоять у штурвала и вглядываться в даль, а суставы его пальцев побелели от силы, с которой он сжимал ручки. В рулевой рубке ничего не изменилось, и, взглянув в окно, я увидел, что на полностью погруженном в море носу продолжают бушевать волны. Палуба у меня под ногами продолжала пульсировать жизнью. Все осталось по-прежнему, не считая того, что теперь корабль стоял на месте.

Я поднял руки и обеими ладонями вытер со лба холодный пот, пытаюсь унять дрожь, сотрясающую все мое тело. Теперь мы сидели на мели на рифах Минкерс, и изменить это не представлялось возможным. Я обернулся и посмотрел на него. На его мертвенно бледном лице застыло изумленное выражение, а его темные глаза продолжали смотреть на штормовое море.

– Я сделал все, что мог, – выдохнул он и повторил еще раз, чуть громче: – Бог мне свидетель, я сделал все, что мог.

В том, как он это произнес, не было богохульства. Это были слова человека, раздираемого мучительными сомнениями.

Наконец он выпустил штурвал, и его руки безвольно скользнули вниз. Этим жестом он как будто отрекся от управления судном. Пэтч повернулся и медленными осторожными шагами сомнамбулы направился в штурманскую рубку.

Сделав над собой усилие, я взял себя в руки и последовал за ним.

Он уже склонился над картой и даже не поднял головы. Волна ударилась о борт корабля, на мгновение залив окно рубки и заслонив от нас дневной свет. Когда она откатилась назад, он пододвинул к себе судовой журнал и, взяв карандаш, начал писать. Закончив, он захлопнул журнал и выпрямился, как будто подводя черту под этой частью своей жизни. Он медленно обвел глазами рубку и встретился взглядом со мной.

– Прости, – произнес он. – Мне следовало сразу объяснить тебе, что я намереваюсь сделать. – Он походил на очнувшегося от глубокого сна человека, к которому внезапно вернулся здравый смысл. – Проблема заключалась в том, чтобы встретиться с отливом в нужный момент.

– Но мы должны были идти к Сен-Мало, – произнес я, еще не до конца успокоившись и чувствуя себя очень глупо, потому что я по-прежнему не понимал, что произошло.

– Через два часа, если бы мы не затонули раньше, начался бы прилив. Он отнес бы нас к северу, прямо на скалы. – Он через стол подтолкнул ко мне карту. – Смотри сам. – Мы могли спастись, только сев на мель здесь.

Кончиком карандаша он коснулся карты в том месте, где теперь находился наш корабль.

Мы сидели на мели чуть южнее основных скал. На карте была указана глубина этого места во время отлива – две с четвертью сажени⁴.

– Вон та скала чуть левее называется Грюн-а-Крок. – На карте было отмечено, что во время отлива ее высота составляет тридцать шесть футов. – А по правому борту

⁴ Морская сажень – 1,83 м. (Примеч. пер.).

ты, возможно, сумеешь разглядеть Метресс-Иль. – На мгновение его карандаш задержался на клочке суши к востоку от рифов. – Думаю, во время отлива здесь будет достаточно тихо. – Он бросил карандаш и выпрямился, потягиваясь, а затем потирая глаза. – Вот и все. – По голосу было ясно, что он смирился с постигшей нас катастрофой. – Мне нужно поспать.

Не произнося больше ни слова, он прошел мимо меня, пересек рулевую рубку, и спустя мгновение я услышал его шаги на трапе, ведущем на нижнюю палубу. Я ничего не сказал и даже не попытался его остановить. Я слишком устал, чтобы задавать ему какие-то вопросы. Моя голова раскалывалась от боли, и одного упоминания о сне оказалось достаточно, чтобы меня охватило жгучее желание закрыть глаза и погрузиться в забытие.

Выходя из рулевой рубки, я остановился и окинул взглядом серый безрадостный пейзаж, состоящий из бушующих волн и торчащих среди них угрюмых скал. Было странно стоять здесь, ощущая под ногами вибрацию от все еще работающих двигателей и зная, что мы прочно сидим на самых ужасных рифах Ла-Манша. Рулевая рубка выглядела так привычно и обыденно. И только когда я посмотрел в окно и увидел торчащие из пены скалы, а также смутные очертания носа судна под бурлящими волнами, мне удалось окончательно осознать, что все-таки произошло.

По крайней мере, до того как прилив снова отдаст нас на милость бушующего моря, нам ничто не угрожало. Это означало, что на протяжении ближайших шести часов беспокоиться нам не о чем. Я повернулся и начал спускаться по трапу, медленно, как будто во сне, переступая по ступеням.

Окружающий мир казался смутным и далеким, и я слегка покачивался, продолжая балансировать в такт качке, хотя теперь корабль был неподвижен, как скала. Входя в каюту, я услышал, как замедлился ритм двигателей, после чего наступила тишина. Либо мы выработали весь пар, либо Пэтч спустился в машинное отделение и сам остановил машины. В любом случае это уже не имело значения. Я понимал, что ни двигатели, ни насосы нам больше не понадобятся. Ничто не имело значения, кроме отчаянной потребности во сне.

Вам может показаться невероятным, что в подобных обстоятельствах я вообще мог думать о сне. Но ведь я успел счесть его сумасшедшим, а затем обнаружил, что он не только находится в здравом уме, но еще и является исключительно искусным моряком. Я полностью доверился его утверждению, что во время отлива нам ничто не угрожает. В любом случае от меня уже ничего не зависело. У нас не было ни шлюпок, ни малейшей надежды на помощь. Со всех сторон нас окружали рифы и бушующее море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.